

МОЛЧАЛИВОЕ ИМЯ

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланова

Молчаливое имя

«Автор»

2026

Светланова М.

Молчаливое имя / М. Светланова — «Автор», 2026

Лея Радан доставляет последние отражения умерших — добровольные записи, которые живые вправе принять или отвергнуть. Одна невозможная доставка приводит её к книгам молчаливых имён: прочитанная книга переносит на человека чужой неслеланный выбор и стирает основание его собственного решения. Библиотекарь-изгнанник Эрен Воль знает устройство тайного каталога и признаётся, что в детстве участвовал в краже настоящего имени Леи. Чтобы остановить перепись судеб, Лее придётся отделить память от власти, доверие — от прощения, а своё имя — от роли, назначенной ей до рождения. Но центральный архив готов вернуть украденное лишь в обмен на право распоряжаться будущим всего города. «Молчаливое имя» — атмосферный роман о согласии, памяти, взрослой любви и праве человека не становиться единственной версией собственной судьбы.

© Светланова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Отражение в запечатанном футляре	6
Глава 2. Дом, забывший хозяйку	11
Глава 3. Библиотекарь без каталога	16
Глава 4. Имя на пустом корешке	21
Глава 5. Подруга, которая помнит дважды	26
Глава 6. Каталог произнесённых	32
Глава 7. Право не принимать память	40
Глава 8. Маршрут через стекольный дождь	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мара Светланова

Молчаливое имя

От автора

У каждого человека есть право менять рассказ о себе. Даже любящие люди иногда путают память с владением, заботу — с разрешением выбрать за другого, а имя — с приговором однажды назначенной судьбы.

Эта история — о курьерке, которая доставляет последние отражения умерших и учится отличать сохранённый образ от живого человека. Здесь молчание не требуется разгадывать, отказ не считается отсроченным согласием, а близость начинается с вопроса, ответ на который может быть любым.

Пусть дорога по Белоречью напомнит: нас связывает не право удержать другого неизменным, а готовность снова узнать его таким, каким он выбирает быть сейчас.

Глава 1. Отражение в запечатанном футляре

К полудню серебро на футляре потемнело.

Лея заметила это на Кривом мосту, где Белая река поднималась почти до нижних арок и город отражался в ней неровно, будто не мог решить, каким ему быть. Обычно футляр сохранял сухой холод от архива до самой двери получателя. Теперь же металл под ладонью был тёплым, а на крышке проступала узкая тёмная полоса.

Она остановилась под каменным навесом, не выпуская ручку из пальцев.

Вокруг спешили люди: женщина несла свёрток хлеба под плащом, двое грузчиков толкали тележку с зеркальными пластинами, мальчик в жёлтой шапке прыгал через лужи и каждый раз проверял, последовало ли за ним отражение. Никто не обращал внимания на курьера в сером пальто. Так и полагалось. Последний образ умершего не должен был становиться уличным зрелищем.

Лея поставила футляр на парапет, удерживая его страховочным ремнём, и сверила печати.

Первая, архивная, была цела: круг с тремя вертикальными чертами. Вторая принадлежала отправительнице — госпоже Нере Вей, умершей четыре дня назад. Воск с отпечатком ветки рябины не треснул. Третья печать, маршрутная, должна была быть лазурной. Теперь она казалась почти чёрной.

Лея достала из внутреннего кармана плоский жетон и поднесла к замку. На поверхности жетона отразилось её лицо: прямые тёмные брови, мокрая прядь у щеки, знакомая складка между глазами. Изображение не дрогнуло. Значит, запись внутри не пыталась выйти наружу.

Пока не пыталась.

— Доставка семь-ноль-три, — тихо произнесла Лея. — Курьер Лея Радан. Печати целы. Обнаружено изменение температуры и цвета маршрутного воска. Вскрытие не производится.

Жетон принял слова, помутнел и снова стал зеркальным. Протокол был соблюлён.

Она могла повернуть назад. При нестандартном поведении отражения правила разрешали вернуть груз в хранилище. Но разрешение не было обязанностью, а госпожа Вей оставила точное условие: доставить в день первого стекольного дождя после её смерти. Над Белоречьем как раз сыпалась прозрачная морось, застывавшая на мостовой тонкими чешуйками. Второго такого дня могло не случиться до весны.

Лея сняла перчатку и коснулась металлической полосы ещё раз. Тепло было ровным. Не жар, не пульсация, не зов — лишь температура человеческой ладони.

Такое случалось, когда покойный оставлял образ незадолго до смерти и долго держал руки на зеркале. Архивные наставники говорили об остаточном тепле как о физическом свойстве серебряной подложки. Старые курьеры — как о нежелании расставаться. Лея не верила ни тем ни другим без проверки.

Она внесла наблюдение в маршрутный лист и продолжила путь.

Дом получателя стоял в Нижнем городе, за рынком лодочных снастей. Улица там сужалась так сильно, что соседние крыши почти соприкасались. В водостоках звенела ледяная крупа, окна множили прохожих, и Лея по привычке не смотрела в витрины дольше одного шага. В городе, где отражения умели переживать хозяев, долгий взгляд считался приглашением.

Адрес был выведен рукой Неры Вей: улица Плотинщиков, двенадцать, квартира над мастерской часов. Получатель — Тавен Орс. Лично. При отказе — вернуть отправителю. При невозможности возврата — хранить запечатанным семь лет.

Последняя строка беспокоила Лею ещё в архиве. Возвращать умершей было невозможно по определению, однако люди продолжали вписывать это условие. Словно смерть была просто отъездом в место с плохой почтой.

Над дверью мастерской висели часы без стрелок. Лея постучала трижды, выдерживая промежутки, чтобы звук нельзя было принять за случайность.

Открыла девушка лет двадцати пяти. На ней был чёрный рабочий передник, усыпанный латунной стружкой, а в руке она держала крошечную отвёртку.

— Мастерская закрыта.

— Я не за ремонтом. Мне нужен Тавен Орс.

Девушка посмотрела на футляр. Не на лицо Леи — сразу на футляр. Отвёртка опустилась.

— От кого?

— Я могу назвать отправителя только господину Орсу.

— Я его дочь.

— Тогда вы можете сообщить, где он, или принять извещение о доставке. Сам футляр передаётся только указанному получателю.

Девушка стиснула отвёртку между пальцами.

— Вы опоздали.

За её спиной тикали десятки часов. Одни торопились, другие отставали, и ни одни не попадали в общий ритм.

— Насколько? — спросила Лея.

— На три месяца.

Слова прозвучали сухо, без надрыва. Так часто говорили люди, которые уже множество раз объясняли чужим, что человека нет.

Лея сняла шляпу. Вода стекла с полей на порог.

— Примите мои соболезнования. Мне необходимо увидеть запись о смерти или получить подтверждение от двух свидетелей. После этого доставка будет признана невозможной.

— Вы хотите свидетельство? Сейчас?

— Я хочу не отдать последнее отражение вашей...

Она остановилась. Родство между Нерой Вей и Тавеном Орсом в листе не указывалось.

— ...отправительницы человеку, которого она не выбрала.

Девушка долго смотрела на неё, затем отступила.

— Заходите. Иначе вы заморозите всё, что там осталось.

Лея не стала объяснять, что отражения не мёрзнут. Она переступила порог и закрепила ремень футляра на запястье короткой петлёй.

В мастерской пахло маслом, яблочной кожурой и нагретой медью. За прилавком стояли два стула. На одном лежал мужской жилет, будто хозяин снял его минуту назад. На другом высилась стопка бумаг, перевязанная синей лентой.

— Эва Орс, — представилась девушка. — Дочь Тавена. Нера была его сестрой.

Она вытащила из нижнего ящика лист с серой каймой. Лея проверила печать городской палаты, дату и полное имя. Тавен Орс умер за восемьдесят девять дней до того, как Нера Вей оставила отражение.

Это меняло всё.

Умиравший мог ошибиться, назвать человека, о чьей смерти не знал. Но Нера жила в том же городе. Между её домом и мастерской было меньше часа пешком. В маршрутном листе стояла отметка: личность получателя подтверждена отправительницей в день записи.

— Она знала? — спросила Лея.

Эва отвернулась к верстаку.

— Тётя Нера приходила на похороны.

Под крышкой футляра что-то едва слышно щёлкнуло.

Лея мгновенно положила ладонь на страховочную скобу. Не открыла — лишь не позволила замку сдвинуться, если внутреннее давление повторится.

— Оно сделало это раньше? — спросила Эва.

— Нет.

— Там она?

— Там образ, который ваша тётя добровольно оставила зеркалу. Он может выглядеть и говорить как она в момент записи. Но это не сама Нера Вей.

— Архив всем велит так говорить?

— Архив велит говорить длиннее.

Уголок рта Эвы дрогнул, но улыбки не получилось.

— Дайте его мне.

— Не могу.

— Получатель умер. Я наследница мастерской и всего его имущества.

— Отражение не имущество получателя, пока он не согласился его принять.

— А тётя хотела, чтобы оно было здесь.

— Она указала вашего отца.

— Зная, что он мёртв.

— Именно поэтому я обязана вернуть футляр в архив и потребовать проверку условий записи.

Эва шагнула ближе. Лея увидела, как плохо та спала: кожа под глазами была серой, у линии волос остался след машинного масла. Не алчность, не праздное любопытство. Девушка ждала ответа, возможно, единственного, который, как ей казалось, ещё мог существовать.

— Отец поссорился с ней перед смертью, — сказала Эва. — Не пустил в мастерскую. Она крикнула, что однажды он попросит вернуть всё, от чего отказался. Через неделю его не стало. А вчера умерла она. Если внутри объяснение, оно принадлежит нашей семье.

— Объяснение может быть предназначено только ему.

— Его нет.

— Поэтому никто не может согласиться вместо него.

Тиканье вокруг словно стало громче. Эва положила отвёртку на прилавок остриём к Лее.

— Удобная работа. Приносите людям голос мёртвых и запрещаете слушать.

— Я приношу то, что мне поручили. Иногда моя работа — не дать чужому горю открыть не свою дверь.

Эва резко потянулась к ручке футляра.

Лея развернула корпус боком, пропуская руку мимо, и затянула петлю на запястье. Движение было простым, отработанным сотни раз. Она не оттолкнула девушку, только поставила между ними собственное плечо и серебряный край.

В этот миг замок щёлкнул снова.

По крышке пробежала изморозь, хотя металл оставался тёплым. Тёмная полоса маршрутного воска лопнула посередине. Из трещины выступила капля лазури.

Эва замерла.

— Вы сказали, оно не выходит само.

— Обычно не выходит.

Лея сняла жетон и прижала к печати. На зеркальной поверхности вместо её лица возникла темнота, перечёркнутая тонким светом. Затем свет сложился в губы.

Не лицо — только рот женщины, видимый будто сквозь запотевшее стекло.

Лея знала аварийный порядок. Отойти от всех отражающих поверхностей. Положить футляр горизонтально. Назвать отправителя, получателя и границу доставки. Не отвечать на вопросы записи. Не повторять её слова.

Она отодвинула со стола круглое зеркало для проверки шестерёнок, уложила футляр и раскрыла маршрутный лист.

— Нера Вей, — произнесла она ровно. — Получатель Тавен Орс недоступен вследствие смерти. Передача не состоялась. Футляр остаётся закрытым.

Губы на жетоне шевельнулись.

Звука сперва не было. Потом все часы в мастерской одновременно пропустили удар.

В наступившей тишине женщина произнесла одно слово.

Имя.

Лея поняла это не по смыслу. Смысла она не услышала. До неё дошли первый вдох, мягкий толчок согласной, движение голоса к открытой гласной — и всё оборвалось, словно кто-то провёл ножом по звуковой ленте. На месте слога осталось ощущение пустой ступени. Нога уже опускается, тело ждёт опоры, а лестница решила забыть одну перекладину.

Эва прижала ладонь ко рту.

— Она сказала...

— Не повторяйте.

— Но это же...

— Не повторяйте ни здесь, ни рядом с зеркалом.

Лея накрыла жетон плотной тканью и нажала большим пальцем на гаситель. Серебряный футляр дёрнулся под её рукой. Изморозь растаяла. Часы один за другим вернули себе звук.

Одиннадцать ударов. Семь. Два. Без четверти час. Мастерская снова распалась на десятки несовпадающих времён.

— Вы услышали? — спросила Эва.

— Я слышала, что было произнесено имя.

— Чьё?

Лея посмотрела на маршрутный лист. Чернила в строке получателя расплылись. Вместо «Тавен Орс» проступили несколько тонких вертикальных штрихов, похожих на библиотечный шифр.

— Не знаю.

Это была правда. И всё же тело уже знало что-то, чего не успел понять разум. Под грудиной возникла знакомая с детства тяжесть — будто там лежала маленькая закрытая книга.

Эва обошла прилавок и теперь стояла у двери, отрезая выход.

— Тётя назвала вас.

— Нет.

— Вы побледнели.

— Записи воздействуют на живых. Поэтому существуют правила.

— Вы даже не знаете, что услышали.

— Именно.

Лея достала из сумки красный аварийный шнур и обвела им футляр поверх обеих целых печатей. Узел затянула так, чтобы его нельзя было снять, не разрезав. Потом сделала новую запись на жетоне, всё ещё закрытом тканью.

— Самопроизвольное частичное воспроизведение. Произнесена неопознанная запрещённая словоформа. Свидетели: курьер Лея Радан, Эва Орс. Доставка прекращена. Требуется изолированная приёмка.

— Я ничего не подпишу, — сказала Эва.

— От вас не требуется подпись. Только право дать собственное объяснение архиву.

— Чтобы вы забрали единственное, что оставила тётя?

— Чтобы никто не решил за вашего отца, что он согласился это услышать.

Эва посмотрела на жилет, лежавший на стуле. Злость на её лице не исчезла, но стала тише.

— Семь лет, — сказала она. — В условии было семь лет, верно? Я видела такие футляры. Если вернуть некому, их хранят семь лет.

Лея не спросила, откуда девушка знает точную формулировку.

— Да.

— Тогда через семь лет оно станет моим?

— Нет. Через семь лет комиссия снова решит, можно ли установить волю отправительницы без догадок. Если нельзя, отражение погасят.

— Уничтожат.

— Вернут стеклу способность отражать любого, не удерживая никого.

— Красивые слова для уничтожения.

Лея защёлкнула ремень на плече.

— Возможно. Но если бы ваш отец оставил письмо, запертое на ключ, а Нера потребовала бы прочитать его после его смерти, вы назвали бы отказ уничтожением тайны или соблюдением его воли?

Эва ответила не сразу.

— Я бы хотела знать, почему он запер.

— Хотеть можно.

В этих двух словах не было утешения. Лея и не пыталась утешить. Чужую боль нельзя было сделать меньше, назвав любопытство любовью.

Эва отошла от двери.

— Если архив решит открыть футляр, вы сообщите мне?

— Я внесу ваше требование присутствовать при решении. Обещать решение за архив не стану.

— А если имя было моим?

— Тогда тем более никто не должен произносить его вместо вас.

Лея вышла на улицу. Стекольный дождь закончился. На мостовой лежала прозрачная крошка, и в каждой грани помещалось по крохотному Белоречью.

Она должна была вернуться в центральный архив по кратчайшему пути. Красный шнур означал запрет остановок, разговоров и дополнительных доставок. Но у первого перекрёстка Лея почувствовала, что футляр снова нагревается.

На этот раз тепло шло не от крышки.

Оно поднималось по ремню к её плечу.

Лея остановилась перед витриной закрытой лавки и, вопреки привычке, посмотрела на своё отражение дольше одного шага.

Женщина в стекле была похожа на неё во всём: серое пальто, мокрые волосы, футляр у бедра, красный шнур на серебре. Только рот у отражения шевельнулся чуть раньше, чем Лея успела вдохнуть.

Беззвучно, бережно, словно обращаясь к ребёнку, оно повторило имя, которого она не слышала.

А потом подняло руку.

Лея своих рук не поднимала.

Глава 2. Дом, забывший хозяйку

Отражение опустило руку, когда Лея отступила от витрины.

Она проверила это дважды: шагнула к стеклу — женщина в сером пальто стояла неподвижно; подняла правую ладонь — та повторила движение без запоздания. Обычная поверхность. Обычное лицо. Только взгляд казался чужим, потому что Лея уже ждала от него неповиновения.

Она вынула жетон, не снимая защитной ткани.

— Дополнение к протоколу семь-ноль-три. Возможное вторичное проявление в уличной витрине. Подтверждения нет. Курьер сохраняет маршрут к изолированной приёмке.

Слово «возможное» далось труднее, чем хотелось. Но правила существовали именно для минут, когда страх торопился превратиться в уверенность.

До архива оставалось двадцать минут. Лея прошла половину улицы, когда услышала за спиной:

— Стойте!

Эва выбежала из мастерской без пальто. За ней спешили пожилая женщина в траурной шали и широкоплечий мужчина с часовой цепочкой поперёк жилета.

— Я передумала, — сказала Эва. — Футляр должен остаться в доме.

— Вы уже заявили это. Я внесла требование в запись.

— Нет. Я передумала не сейчас. Я всегда хотела, чтобы он остался.

Лея посмотрела на её босые щиколотки над ботинками, на отвёртку, всё ещё зажатую в руке. Девушка выбежала следом не после размышления — после толчка.

— Эва, вернитесь в тепло.

— Не разговаривайте со мной как с ребёнком.

— Тогда возьмите пальто как взрослая женщина, которая собирается долго спорить на холоде.

Пожилая женщина накинула ей на плечи свою шаль.

— Я Мина Орс, вдова Тавена, — сказала она. — Это мой сын Лот. Мы оба подтверждаем, что Нера хотела передать запись семье.

— У вас есть её письменное распоряжение?

— Есть слова дочери.

— Эва слышала их до смерти Неры?

Мина замаялась.

— Она понимает тётю лучше любого письма.

Лея перевела взгляд на Эву.

— Вы рассказывали семье о нашем разговоре?

— Конечно.

— Сколько времени прошло с моего ухода?

Эва глянула на часы над дверью. Те были без стрелок.

— Достаточно.

Не больше трёх минут. Этого хватило бы выкрикнуть новость, но не изложить условия доставки, спор о согласии и аварийное проявление. Мина и Лот выглядели так, словно пришли подготовленными.

— Мы открываем его вместе, — сказал Лот. — При свидетелях. Никто ничего не украдёт.

— Проблема не в краже.

— Нера наша родственница.

— Родство не выдаёт ключ от её последнего образа.

— А ваша печать выдаёт?

— Нет. Она выдаёт обязанность не открывать.

Лот протянул руку, но Мина удержала его за рукав. Эва смотрела только на серебряный футляр. На её лице появилось странное спокойствие.

— Тётя оставила его мне, — произнесла она.

— Пять минут назад вы сказали, что оно предназначено вашему отцу.

— Я такого не говорила.

Лея почувствовала тот же провал, что при неслышанном имени. Не в памяти — память была отчётливой. В порядке вещей. Девушка не лгала: тело не выдавало ни защиты, ни вызова. Она искренне считала свою новую версию единственной.

— Вы сказали: «Если внутри объяснение, оно принадлежит нашей семье». Потом спросили, станет ли отражение вашим через семь лет.

— Зачем бы я спрашивала, если оно и так моё?

Мина перекрестила пальцы на груди.

— Вы путаете её, госпожа курьер.

Лея достала жетон.

— Здесь сохранён наш разговор. Я могу воспроизвести только ваши собственные слова и только с вашего согласия.

Эва отшатнулась.

— Нет.

— Хорошо. Тогда не будем.

Лея убрала жетон сразу, не пытаясь превратить предложение в давление. Отказ был достаточен. Но теперь она знала: изменилось не воспоминание о факте. Изменилось решение Эвы о том, кому предназначалось отражение. Девушка выбрала новую цель и вместе с ней получила прошлое, в котором эта цель существовала всегда.

Красный шнур на футляре натянулся. Узел медленно пополз к замку.

— Отойдите от окон, — приказала Лея.

— Что? — спросила Мина.

— Все трое. В мастерскую, подальше от зеркал. Сейчас.

На этот раз тон подействовал. Лот завёл мать внутрь. Эва задержалась.

— Вы тоже.

— Это мой футляр.

— Это ваш выбор или Нерин?

Спокойствие на лице Эвы треснуло.

Лея не стала ждать ответа. Она сняла футляр с плеча и положила на мостовую серебряной крышкой вниз. Если образ искал поверхность, ему нельзя было давать прямой путь к витринам. Красный узел дополз до скобы и остановился.

В окне мастерской за спинами Орсов отражалась комната — верстак, часы, пустые стулья. Не отражался только дверной проём. Там, где должна была стоять Эва, виднелась женщина в длинном домашнем платье.

Нера Вей.

Лея узнала её по архивной карточке. На снимке у Неры были убранные волосы и резкие морщины у рта. В стекле она выглядела моложе, но держала голову так же прямо.

Эва обернулась.

— Тётя.

— Не подходите к стеклу.

Женщина в отражении подняла ладонь и положила её на плечо Мины. В реальной комнате за вдовой никого не было. Мина вздрогнула и повернула голову.

Все часы остановились.

Дом словно задержал дыхание.

На витрине проступили буквы, проведённые изнутри пальцем по пару:
«Я ВЕРНУЛАСЬ».

Эва шагнула к двери.

Лея преградила путь.

— Образ не умеет возвращаться. Он показывает себя такой, какой Нера согласилась сохраниться.

— Она пишет.

— Запись воспроизводит подготовленное сообщение.

На стекле появилась вторая строка:

«ОТКРОЙ».

— Она отвечает нам, — прошептала Мина.

— Она отвечает ситуации, которую знала заранее.

— Откуда она знала, что мы будем здесь?

Лея посмотрела на маршрутный лист с библиотечным шифром вместо имени Тавена.

— Потому что доставку назначили в дом, где получатель уже умер.

Нера не ошиблась и не опоздала. Она устроила невозможную передачу, рассчитывая на спор наследников, на окна мастерской, на нарушение печати. Последний образ был ключом, но замок находился не в футляре.

Он находился в чём-то выборе.

— Эва, — сказала Лея, — до моего прихода вы собирались сегодня покинуть мастерскую?

Девушка нахмурилась.

— При чём здесь это?

— Ответьте, пожалуйста.

— Нет. Я никогда не хотела отсюда уходить.

Лот издал короткий смешок.

— Ты вчера упаковала инструменты.

— Для чистки.

— И купила билет в Верхний порт.

Эва побледнела.

— Не покупала.

Мина взяла дочь за руку.

— Ты собиралась поступать в школу мерных механизмов. Мы ещё спорили из-за денег.

— Вы обе хотели меня выгнать.

— Эва...

— Это мой дом. Отец оставил его мне.

Лея увидела механизм ясно, хотя не могла ещё объяснить его устройство. Нера оставила брату нечто, что тот отказался принять. Теперь непрожитый выбор — остаться, удержать дом, потребовать наследство — лёг на Эву и вытеснил её собственный отъезд.

Не воспоминание. Развилку.

На стекле слова «Я ВЕРНУЛАСЬ» начали расплываться. За ними проступили полки, которых в мастерской не было: тёмные, уходящие вверх, заставленные книгами без надписей. Между полками стояла Нера.

Она раскрыла одну книгу.

Лея зажмурилась.

— Не смотрите на страницы!

Лот задёрнул штору изнутри. Ткань упала, отрезая витрину, но свет продолжал просачиваться сквозь неё вертикальными полосами.

Футляр на мостовой остыл. Красный узел перестал двигаться.

— В доме есть другие зеркала? — спросила Лея.

— В жилых комнатах, — ответил Лот. — Четыре. Может, пять.

— Накройте их непрозрачной тканью. Не разбивайте: осколки дадут больше поверхностей. Не читайте никаких слов, если они появятся.

— Вы уходите? — Мина вцепилась в дверной косяк.

— Мне нужна архивная изоляционная рама.

— А мы?

Лея сняла с воротника круглую свинцовую пуговицу — знак курьерского допуска — и протянула Лоту.

— Повесьте над внутренней дверью. Это не остановит запись, но отметит границу, которую она не должна пересекать. Никому не входить и не выходить до моего возвращения.

— Вы запираете нас с ней?

— Я прошу вас остаться в комнате без зеркал. Если хотите выйти, вы имеете право. Но тогда не смотрите ни в окна, ни в воду, ни в полированный металл.

Эва подняла отвёртку.

— Я открою футляр, как только вы уйдёте.

— Он уходит со мной.

— Тогда я тоже.

— Нет.

— Вы не можете запретить.

— Не могу. Могу только сказать: сейчас вам трудно отличить собственное решение от чужого. Я не возьму вас туда, где хранятся тысячи чужих решений.

Эва сжала губы. За её спиной мать тихо плакала, но девушка не обернулась. Ещё утром, вероятно, она собиралась оставить этот дом. Теперь любое движение прочь казалось ей предательством.

Лея подняла футляр. На дне, которого прежде не касалась изморозь, обнаружился выдавленный знак: три вертикальные черты в круге — архивная печать. Между ними проступила четвёртая, тонкая, будто надавленная ногтем изнутри.

— Госпожа курьер, — позвала Мина. — Если это не Нера, почему дом её помнит?

Лея посмотрела на остановившиеся часы, на жилет Тавена, на полки, где чистые места сохраняли очертания недавно снятых вещей. Дом не помнил хозяйку. Он подстраивался под ту версию, в которой она никогда не уходила.

— Он не помнит, — сказала Лея. — Он забывает всё остальное.

Эва вздрогнула, словно услышала оскорбление.

Лея закрепила футляр на плече и пошла к архиву. Теперь она избегала витрин, но город находил другие способы показать её: в лужах у торговца, в мокрой мостовой, в глазах встречаемых. На каждом блестящем краю ей мерещилась поднятая рука.

У Кривого моста жетон под тканью нагрелся. Из него донёсся голос Эвы — запись их разговора, которую девушка отказалась слушать.

«Если внутри объяснение, оно принадлежит нашей семье».

Пауза.

«Тогда через семь лет оно станет моим?»

Слова доказывали, что прежний выбор существовал. Но доказательство уже не могло вернуть его владелице.

После второго повторения голос изменился. Стал ниже, старше.

«Лея», — сказал он.

На этот раз она услышала собственное привычное имя без провала. И поняла, что запись зовёт не его.

Она дошла до середины моста, когда все её прежние маршруты разом показались ошибочными. Архив находился на севере, но тело требовало свернуть к Старой библиотеке — закрытой двенадцать лет назад, с тех пор как из каталога исчезли первые книги без названий.

Лея остановилась.

Желание повернуть было сильным, ясным и снабжённым готовым объяснением: архив не поможет; ответ ждёт в библиотеке; она всегда собиралась туда пойти.

Последняя мысль выдала подмену.

Лея вынула маршрутный лист и крупно написала поперёк библиотечного шифра:

«Я ВЫБИРАЮ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ».

Потом расписалась, указала время и попросила первого встречного — женщину с хлебом под плащом — прочитать строку вслух.

— Центральный архив, — удивлённо сказала женщина. — Вам туда?

— Да.

— Тогда вы идёте не в ту сторону.

Лея подняла голову.

За мостом темнели заколоченные окна Старой библиотеки.

Она уже успела перейти реку.

Глава 3. Библиотекарь без каталога

Старая библиотека стояла на другом берегу не как цель, а как улика.

Лея не помнила, как прошла последние двести шагов. Она помнила женщину с хлебом, свою надпись на маршрутном листе и намерение повернуть обратно. Между намерением и этим местом зиял чистый промежуток, а ладонь уже лежала на холодной дверной ручке.

Она отдёргнула руку.

— Время, — сказала Лея жетону. — Двадцать минут двенадцатого. Курьер отклонилась от письменно выбранного маршрута после независимого подтверждения. Причина не установлена.

Запись успокаивала не хуже перил. Факт оставался фактом, даже если собственное прошлое начинало угождать настоящему.

Фасад библиотеки был затянут серой сеткой дождя. Над входом сохранилась мозаика: раскрытая ладонь держала книгу корешком к зрителю. Когда-то на корешке было название, но стеклянные буквы выковыряли так тщательно, что остались только светлые углубления. Дверь опечатали двенадцать лет назад. Полосы казённой бумаги висели целыми.

И всё же ручка была тёплой.

Серебряный футляр на плече качнулся. Четвёртая черта на печати потемнела, будто её провели свежими чернилами.

— Не входите, — произнёс мужчина за дверью.

Лея отступила на нижнюю ступень и вынула служебное зеркало. Оно было размером с ладонь и отражало только тепло: живой человек проступал в нём красноватым пятном, запись — белым, пустая поверхность оставалась чёрной. За дверью горел один человеческий силуэт.

— Назовитесь.

— Если назовусь, вы решите, что уже что-то обо мне знаете.

— Если не назовётесь, я решу, что вы намеренно мешаете курьеру при аварийной доставке.

Молчание длилось ровно столько, сколько нужно человеку, чтобы оценить не угрозу, а формулировку протокола.

— Эрен Воль.

Имя было знакомым. Оно стояло под статьёй об утрате каталога: младший хранитель, лишённый допуска пожизненно. Газеты называли его человеком, который оставил три тысячи книг без имён. Архив — виновником беспорядка. Мать Леи однажды назвала его иначе: мальчиком, который слишком поздно испугался.

Тогда Лея не спросила, чего именно.

— Откройте дверь и держите руки на виду, господин Воль.

— Она не заперта. Но я бы предпочёл, чтобы вы не касались ручки голой рукой.

Лея обернула ладонь защитной тканью и потянула. Казённые печати не порвались. Бумажные ленты прошли сквозь край двери, словно были отражены на воздухе перед ней.

Внутри пахло мокрым камнем, пылью и яблочной кожурой. Эрен стоял в трёх шагах от входа, подняв руки. Высокий, сутуловатый, в старом библиотечном жилете без знаков должности. В тёмных волосах серебрились пряди, одна щека была исчерчена тонкими светлыми шрамами, похожими на строки, которые кто-то пытался стереть.

За ним начинался зал без книг.

Полки уходили в темноту, и на каждой лежал ровный слой пыли. Только одна узкая дорожка между стеллажами была истоптана.

— Вы живёте в закрытом здании? — спросила Лея.

— Слежу, чтобы оно оставалось закрытым.

- Изнутри.
- Так надёжнее.
- Для кого?
- До сегодняшнего дня — для всех.

Он смотрел не на её лицо, а на футляр. Не жадно и не испуганно. Так часовщик смотрел бы на механизм, который когда-то собрал неправильно и теперь услышал его ход в соседней комнате.

- Вы узнаете печать?
 - Первые три черты — печать центрального хранилища. Четвёртая означает, что книге назначен живой носитель.
 - Какой книге?
 - Той, которая использует отражение как дорогу.
- Лея не приблизилась.
- Объясните без загадок.
 - Последний образ Неры Вей записан в зеркале добровольно. Это не изменилось. Но кто-то связал его с книгой её молчаливого имени. Когда запись находит поверхность, книга получает возможность предложить непрожитый выбор тому, кто смотрит.

- Предложить?
- Я употребил мягкое слово.
- Вы употребили неверное. Эва Орс не знала, что соглашается остаться в доме. Её прежнее решение вытеснено.

Эрен опустил руки, но медленно, оставляя ладони открытыми.

- Значит, связь уже сработала.
 - Вы ожидали иного?
 - Я надеялся, что четвёртая черта не появилась.
 - Откуда вы знали о футляре?
 - Не знал. Я почувствовал, как библиотека получила адрес.
- Это могло быть правдой, красивой ложью или тем и другим сразу. Лея достала маршрутный лист.

- Прочтите верхнюю строку.

Эрен не взял бумагу.

- «Получатель: Тавен Орс» зачёркнуто. Поверх записи — шифр полки четырнадцать, ряд шесть, место девять.

- Здесь нет таких цифр.
- Для вас нет. Шифр видит тот, кого учили каталогу до его закрытия.
- Удобное устройство.
- Чудовищно удобное. Поэтому каталог и закрыли.

Лея протянула ему карандаш.

- Запишите шифр отдельно, подпишите и укажите время.

Он исполнил просьбу без спора. Почерк оказался мелким, с открытыми верхушками букв. Лея сложила лист вчетверо и убрала во внутренний карман, не сверяя с маршрутом. Независимое свидетельство следовало хранить отдельно от заражённого предмета.

- Теперь скажите, почему меня привело сюда.
- Эрен посмотрел на закрытые двери за её спиной.
- Потому что книга знает вас.
 - Неры Вей?
 - Нет.
- Футляр снова качнулся. Лея удержала ремень.
- Моя?

— Ваша книга находится здесь.

Он произнёс это просто, и потому слова не сразу обрели вес. Лея ждала объяснения — о реестровой ошибке, однофамильце, старом долге матери. Вместо него услышала, как по водостоку снаружи побежала вода.

— У меня нет книги имени. Моя семья не передавала имя в хранение.

— Ваша мать не передавала.

— Тогда откуда она взялась?

Эрен провёл большим пальцем по одному из шрамов на щеке.

— Я украл её.

Лея не почувствовала потрясения. Сначала пришла профессиональная ясность: признание, лицо, время, место, свидетельствующий жетон. Она коснулась ткани на воротнике, убеждаясь, что запись продолжается.

— Повторите полностью.

— В год закрытия каталога я взял из детского отдела книгу вашего настоящего имени и перенёс её сюда. Вам было двадцать пять. Мне — тридцать.

Не ребёнок. Мать называла его мальчиком не по возрасту, а чтобы сделать поступок меньше.

— Вы сказали: «в детстве».

— Вашем. Книгу создали, когда вам было семь. Я забрал её позже.

— Кто создал?

— Я отвечу. Но сначала снимите футляр.

— Нет.

— Четвёртая черта растёт.

Лея посмотрела. Тёмная борозда пересекла круг и уже тянулась по серебру к замку.

— Куда его поставить?

— Никуда. Здесь каждая полка помнит книгу. Если положить футляр на дерево или камень, библиотека сочтёт доставку завершённой.

— Тогда зачем меня сюда привели?

— Чтобы вы завершили её на себе.

Эрен шагнул в сторону, освобождая проход к выходу.

— Уходите. Не потому, что я прошу верить мне. Потому, что на улице меньше поверностей, которые каталог признаёт своими.

Хороший совет мог быть частью ловушки. Лея не двинулась.

— Вы украли моё имя и двенадцать лет хранили его здесь. Теперь предлагаете помощь. На каком основании я должна принять хотя бы одно ваше указание?

— Ни на каком. Проверьте пол служебным зеркалом. Потом стены и дверной камень. Сравните отклик. Решение примете сами.

Она проверила. Пол светился белыми прямоугольниками — следами книг, давно снятых с полок. Стены были покрыты тем же светом до уровня человеческого роста. Дверной порог оставался чёрным.

Лея переступила наружу спиной, не выпуская Эрена из поля зрения. Он остался в зале.

Четвёртая черта перестала расти.

— Выходите, — сказала она.

— Мне запрещено покидать библиотеку.

— Кем?

— Мною. Государственный запрет истёк семь лет назад.

— Значит, вы не изгнанник. Вы сторож собственной вины.

— Это одно из менее лестных, но точных названий.

— Мне не нужны ваши названия. Мне нужен путь в архив и способ удержать футляр закрытым.

Эрен опустил взгляд на порог. За двенадцать лет он, вероятно, переступал его тысячу раз мысленно и ни разу ногами.

— Центральный архив уже знает о четвёртой черте, — сказал он. — Если вы принесёте футляр туда, его примут как заражённую запись, вас отстранят, а Эву Орс объявят добровольным читателем. К вечеру документ будет выглядеть так, будто она сама запросила книгу.

— Вы утверждаете, что архив подменяет решения горожан?

— Я утверждаю, что когда-то помог ему научиться.

— Это второе признание?

— Первое было его частью.

— Нет. Частями вы будете распоряжаться в своей голове. В записи это два утверждения: вы украли мою книгу и участвовали в создании механизма подмены.

На его лице мелькнуло не раздражение, а почти облегчение. Лея разозлилась сильнее. Он не имел права получать облегчение от её точности.

Из футляра донёсся тихий скрип страницы.

Эрен резко поднял голову.

— Не отвечайте, если услышите своё имя.

— Я уже слышала привычное.

— Привычное безопасно. Опасно то, которое покажется вашим ещё до того, как вы его узнаете.

Скрип повторился. За заколоченными окнами библиотеки один за другим зажглись белые прямоугольники. Пустые полки проступили в них заполненными. Книги стояли тесно, корешками наружу, и на каждом темнела единственная черта.

Лея отвернулась от окон.

— Вы знаете, как это остановить?

— На несколько часов. Нужна реставрационная рама, которая держит отражение, не принимая его содержимое.

Сана.

Мысль пришла слишком быстро. Лея проверила её, как проверяла маршрут: подруга действительно работала с рамами, мастерская находилась за рекой, путь не проходил через архив или библиотеку. Но вовлекать Сану значило принести опасность к её двери.

— Другой вариант?

— Разбить футляр и позволить книге выбрать ближайшего смотрящего.

— Это не вариант.

— Поэтому я назвал только один.

Эрен снял с жилета плоский железный ключ и положил на пол внутри библиотеки.

— В подвале есть переносной экран. Возьмите его сами. Я останусь здесь, руки будут видны.

— Почему не вынесете вы?

— Потому что вы не должны поворачиваться ко мне спиной после моего признания.

Он понимал это. Понимание не делало его безопаснее.

Лея не вошла. Она сняла с пояса моток красного шнура, закрепила один конец на решётке водостока и перебросила петлю через дверную ручку.

— Вы вынесете экран до порога. Если попытаетесь коснуться футляра, я захлопну дверь. Если книга откроется, мы оба отходим, не читая. После этого вы идёте впереди меня к мастерской Саны Мирт.

— Я не могу идти к ней.

— Тогда оставайтесь и ждите архивную стражу.

— Сана знает, кто я.

— Тем лучше. У меня будет второй человек, который вам не верит.

Впервые Эрен улыбнулся, но без тепла.

— Вы похожи на своё имя.

Лея натянула шнур.

— Ещё одна такая фраза — и разговор закончен.

Улыбка исчезла.

— Справедливо.

— Нет. Это не вопрос справедливости. Это граница. Вы двенадцать лет обладали сведением обо мне, которого не было у меня. Не превращайте его в способ говорить так, будто знаете меня лучше.

Он кивнул один раз и скрылся между пустых стеллажей.

Пока шаги удалялись, Лея записала для жетона оба признания и собственное решение не следовать в центральный архив до изоляции футляра. Затем добавила:

— Решение временное. Принято после проверки отклика поверхностей у независимого свидетеля, чья надёжность не установлена.

Белые прямоугольники в окнах погасли. На миг Лея увидела своё отражение в мокрой двери: женщина с серебряным футляром, усталая, сердитая, стоящая на чужом маршруте.

Отражение шевельнуло губами.

На этот раз Лея не пыталась услышать.

Эрен вернулся с деревянной рамой, затянутой матовой чёрной тканью. Остановился у порога и положил ключ рядом с ней.

— Я готов, — сказал он.

— К чему?

— Выйти.

— Это не исправление вреда.

— Знаю.

Лея подняла раму, не позволяя их пальцам соприкоснуться. Она не простила его, не поверила ему и не обязалась когда-нибудь сделать одно или другое.

Но когда Эрен Воль впервые за двенадцать лет переступил порог Старой библиотеки, четвёртая черта на футляре отступила от замка на толщину волоса.

Этого было достаточно, чтобы выбрать следующий шаг.

Глава 4. Имя на пустом корешке

Эрен шёл впереди, как она велела, и ни разу не оглянулся.

Он нёс чёрный экран над головой, заслоняя им витрины. Лея держалась в четырёх шагах позади. Серебряный футляр бился о бедро при каждом движении, и этот мерный удар помогал отличать собственный ритм от навязанного.

Дождь над Белоречьем стал светлее. Вода стекала с крыш длинными стеклянными нитями, отражала окна, лица, вывески и возвращала каждое изображение чуть раньше, чем человек успевал пройти мимо. В обычный день курьеры пережидали такую погоду под глухими навесами. Сегодня остановиться значило дать футляру поверхность и время.

— До мастерской двадцать три минуты, — сказала Лея жетону. — Маршрут выбран мной: Прядильная улица, лестница Трёх колодцев, северная арка. Свидетель Эрен Воль идёт впереди. Изменения маршрута — только после устной фиксации причины.

— На Прядильной витрины, — отозвался Эрен.

— Я знаю.

— После стекольного дождя они будут держать след библиотеки.

— Это причина или попытка изменить мой выбор?

Он замедлил шаг, но не повернул головы.

— Причина. Проверяемая служебным зеркалом.

Лея достала зеркало и направила его на ближайшее окно. Вместо теплового пятна прохожей в нём проступил белый прямоугольник — книга, которой на подоконнике не было.

— Прядильную исключаю после проверки, — произнесла она для записи. — Выбираю набережную Красильщиков. Решение моё.

Только после этих слов свернула.

Набережная была длиннее и почти безлюдна. Река под дождём казалась листом потемневшего металла. Лея запретила себе смотреть на воду. Эрен держал экран наклонно, принимая на чёрную ткань отражения окон. Ткань вспухала под каплями, но не намокала.

— Откуда у библиотеки такая вещь? — спросила Лея.

— Из мастерской Саны Мирт.

Она остановилась.

Эрен остановился тоже.

— Объясните.

— До закрытия каталога она восстанавливала для нас рамы. Этот экран вернули после приёмки. На обороте есть её клеймо.

— Вы знали Сану?

— Знал её работу. Лично мы встретились позже.

— Когда?

— Когда она пришла требовать список детей, чьи книги создавали без согласия семей.

Дождь стучал по экрану, будто множество пальцев просилось внутрь разговора.

— И вы дали список?

— Нет.

— Почему?

— Потому что боялся, что она найдёт вашу строку раньше, чем я пойму, как вернуть книгу, не открывая её.

— То есть вы снова решили за нас обеих.

— Да.

Он не стал прятать поступок за заботой. Это было лучше оправдания и гораздо меньше исправления.

— Для записи, — сказала Лея. — Эрен Воль подтверждает, что скрывал от Саны Мирт сведения о незаконно созданных детских книгах, включая мою. Время — сорок одна минута двенадцатого.

Эрен назвал дату того визита и повторил признание. Лея заставила его описать клеймо на обороте экрана, после чего проверила сама: три короткие насечки, круг и медная вставка в форме ласточкиного хвоста. Сана ставила такую метку на вещи, которые можно было разбирать без риска потерять первоначальное изображение.

— Значит, экран безопасен? — спросила Лея.

— Для обычного отражения.

— А для связанного с книгой?

— Не знаю.

Наконец честный ответ, который нельзя было принять за опору.

Они продолжили путь. За спиной раздался плеск, хотя набережная оставалась пустой. Лея не обернулась. Потом плеск повторился впереди.

В луже под ногами Эрена стояла книга.

Не настоящая — отражённая. Узкая, в потёртом сером переплёте, она лежала там, где над водой не было ничего, что могло бы её отбрасывать. На пустом корешке медленно проступала тёмная буква.

Эрен опустил экран, накрыв лужу тенью.

— Не читайте.

— Я пока вижу одну букву.

— Этого бывает достаточно, если она ваша.

— Вы её видите?

— Нет. Мне показывают другую.

Лея отвела взгляд к каменной стене. Камень был матовым, но вода наполнила каждую выбоину крошечным зеркалом. В сотнях тёмных точек повторялся серый корешок. Буквы возникали не слева направо, а сразу целиком — как слово, которое память узнаёт раньше зрения.

Лея не прочла его.

Она знала только, что оно означает её.

Не Лею Радан, записанную в лицензии, не дочь Илмы, не курьера с номером двести восемнадцать. Оно подходило к промежутку между вдохом и голосом. Стоило мысленно коснуться первой гласной — и внутри открылось место, которое двенадцать лет ждало именно этого звука.

А вместе с ним пришёл вокзал.

Лея увидела высокую крышу Южной станции, хотя перед ней была набережная. Почувствовала в ладони билет. До отправления оставалось девять минут. В другом городе её ждала комната над аптекой, работа без футляров, утро, в котором никто не знал Илму, Сану, Эву Орс и человека под чёрным экраном.

Это не было приказом. Приказу можно сопротивляться.

Это было воспоминание о решении, которого она будто бы придерживалась много лет.

Конечно, следовало уехать сегодня. Она давно всё подготовила. Вещи уже находились в камере хранения. Письмо матери лежало на кухонном столе. Лицензию можно было оставить на стойке службы — пусть начальство само объясняет незавершённую доставку.

Лея шагнула к лестнице, ведущей от реки к Южной улице.

— Вы меняете маршрут, — сказал Эрен.

— Не вмешивайтесь.

— Назовите причину.

— Мне нужно на станцию.

Слова прозвучали спокойно и окончательно. Именно это испугало её: страх не сопровождал решение, потому что чужой выбор уже принёс с собой готовую уверенность.

На третьей ступени Лея схватилась за перила. В мокром металле отразилась женщина с дорожной сумкой. У женщины были её лицо, пальто и рука, но серебряного футляра на плече не было.

— Уберите экран, — потребовала Лея.

— Тогда станет хуже.

— Уберите его от меня. Поставьте ребром между лестницей и рекой. Не приближайтесь.

Эрен подчинился. В образовавшейся узкой тени исчез вокзал, но билет остался в ладони — невидимый и весомый.

Лея опустила на колено. Каждый курьер учился прекращать случайное воспроизведение до того, как получатель примет запись за живого человека. Приём назывался пустым вручением. Он был рассчитан на футляр, зеркало и ясное сознание доставщика. Сейчас ясность приходилось собирать по частям.

Она сняла красный шнур, не открывая замка, и обвязала футляр крест-накрест. Свободный конец протянула через кольцо служебного зеркала. Зеркало положила отражающей стороной на камень.

— Предмет доставки, — произнесла она. — Последний образ Неры Вей.

Серебро под ладонью нагрелось.

— Получатель Тавен Орс отсутствует и согласия не подтверждал. Я, Лея Радан, получателем не являюсь.

В голове сразу возникло возражение: она являлась получателем собственной книги. Новое имя дрогнуло у самого языка.

Лея прикусила внутреннюю сторону щеки. Боль вернула вкус крови и настоящее положение тела: колено на мокром камне, правая рука на узле, Эрен в пяти шагах.

— Содержимое не вручено. Отражение не отвечает за выбор. Книга не является частью отправления.

Красный шнур натянулся, хотя никто его не тянул. Под зеркалом зашелестели страницы.

— Назовите три собственных решения, — сказал Эрен.

— Я не просила помощи.

— Тогда считайте это показанием свидетеля: в каталоге мы разрывали чтение тремя решениями, принятыми после появления книги.

Лея хотела велеть ему замолчать. Но метод можно было проверить, не доверяя человеку.

— Первое: я не пошла в центральный архив до изоляции футляра. Второе: привела вас к Сане как свидетеля и источник сведений, а не как союзника. Третье...

Южная станция вспыхнула перед глазами. Поезд уже подавали к платформе. Если она не поспешит, придётся остаться в городе навсегда.

Нет. Мысль была ложной не потому, что уехать невозможно, а потому, что выбора из двух дверей — сейчас или никогда — Лея не делала.

— Третье: я могу покинуть Белоречье когда пожелаю. Но не брошу заражённое отражение и людей, которых оно уже коснулось. Сегодня я остаюсь.

Она перевернула служебное зеркало, но не посмотрела в него. По протоколу пустого вручения поверхность должна была принять не образ, а отказ курьера быть адресатом.

— Доставка прекращена до восстановления согласия сторон.

Лея трижды ударила ребром жетона по замку.

На первом ударе билет исчез из ладони.

На втором погас вокзал.

На третьем имя на сотнях мокрых камней рассыпалось на отдельные чёрные штрихи.

Футляр дёрнулся так сильно, что шнур врезался в пальцы. Изнутри донёлся голос Неры Вей:

— Я не просила выбирать за неё.

На этот раз слова услышал и Эрен. Он побледнел.

— Это часть записи? — спросил он.

— Я не открывала футляр, чтобы установить содержание.

— В старом протоколе такой фразы не было.

— Значит, вы знаете не всё.

— Да.

Лея подняла зеркало. Теперь оно показывало тепло её ладони и белое пятно запечатанного футляра. Книги под ним не было.

Она встала. Ноги дрожали, но желание бежать на станцию ушло не полностью. Оно отступило в глубину, где собственные планы обычно переживали плохую погоду. Чужой выбор не исчез — лишь перестал выдавать себя за единственный.

— Чьё решение я прочла? — спросила она.

Эрен смотрел на пустую лужу.

— Не знаю. Книга вашего имени могла взять непрожитый отъезд у любого, кого каталог связал с вашей строкой.

— У моей матери?

— Возможно.

— У Неры?

— Возможно.

— У меня самой?

Он ответил не сразу.

— Если в семь лет вы хотели уйти и вам запретили, книга могла сохранить это как неисполненный выбор. Но станция, комната и билет слишком подробны для детского решения.

Лея записала признаки навязанного пути: Южная станция, девять минут до отправления, комната над аптекой, вещи в камере хранения, письмо матери, отказ от лицензии. Конкретность делала ложную память опаснее, но одновременно превращала её в улику.

— Если позже я действительно захочу уехать, как отличить своё желание?

— Не знаю, — повторил Эрен.

— Вы строили этот механизм.

— Мы строили его для другого. Книга должна была показывать отвергнутую возможность, чтобы человек мог обдумать её. Потом архив научился прикреплять возможность к имени и стирать ощущение, что она чужая. Я знаю, как открыть, как направить, как усилить. Вернуть различие труднее.

— Удобно быть специалистом только по причинению вреда.

Он принял удар, не защищаясь.

— Поэтому вам нужна Сана, а не я.

— Мне нужна Сана, потому что она умеет чинить зеркала. Не превращайте её в средство своего раскаяния.

— Не буду.

Лея посмотрела на лестницу. На верхней площадке виднелся указатель Южной станции. Стрелка была настоящей. Она достала маршрутный лист и крупно написала на обороте: «РЕШЕНИЕ УЕХАТЬ НЕ ПРИЗНАНО СВОИМ. НЕ ИСПОЛНЯТЬ ДО ТРЁХ НЕЗАВИСИМЫХ СВЕРОК».

Эрен отвёл взгляд, не пытаясь прочесть.

— Теперь идём к Сане, — сказала Лея. — Маршрут через северную арку сохраняется.

— Там зеркальная галерея.

— Она закрыта ставнями после дождя.

— Если ставни не закрылись?

— Проверим издалека. И это будет причиной изменить путь, а не вашим распоряжением. Они двинулись дальше. Через несколько шагов Эрен спросил:

— Что вы почувствовали, когда увидели корешок?

— Вы пытаетесь установить, прочла ли я имя?

— Да.

— Тогда спрашивайте прямо.

Он помолчал.

— Вы прочли его?

Лея вспомнила ощущение точного совпадения, пустоту перед голосом и слово, которого не могла повторить. Имя осталось не звуком, а формой ключа, приложенного к замку.

— Нет. Оно прочло меня.

Эрен сбился с шага.

— Что это значит?

— Пока только наблюдение. Не объяснение.

У северной арки ставни зеркальной галереи оказались закрыты, но из щели между ними пробивался тонкий белый свет. Лея проверила стену служебным зеркалом. На тёмном стекле проступила цепочка прямоугольников, уходившая через квартал к мастерской Саны.

Не книга вела их туда. Книг было много.

На каждой видимой Лее полке стоял том с пустым корешком. Только один казался раскрытым. Между его страниц лежала медная ласточка — клеймо Саны.

Лея отвернулась прежде, чем на корешке появились буквы.

— Маршрут меняем, — сказала она. — Причина: след каталога уже достиг мастерской.

— Сана в опасности.

— Возможно. Идти напрямую нельзя: мы принесём ей завершённую дорогу.

Лея оглядела улицу, отыскивая матовые поверхности. Слева тянулся глухой двор прачечной, где простыни заслоняли окна; справа начинался подъём к рынку, полному мокрого стекла. Она выбрала прачечную.

— Вы знаете запасной вход в мастерскую? — спросила она.

— Знаю старый адрес, но не имею права вести вас туда.

— Верно. Дадите схему, а решение приму я.

Эрен положил экран чёрной стороной вверх и начертил пальцем по сухой изнанке три улицы, двор и узкий проход между домами. Не назвал ни одной двери, пока Лея сама не сопоставила схему с картой.

У самого края экрана выступила капля. В ней снова возник серый корешок.

Лея накрыла каплю большим пальцем.

Теперь она знала цену одного взгляда: не немедленное подчинение, а сомнение в происхождении каждого будущего желания. Каталог пытался украсть не дорогу из города. Он крал право уверенно сказать: это решила я.

Она затянула красный узел на футляре и выбрала дверь прачечной.

За ней пахло паром, мылом и мокрым полотном. Ни одна поверхность не отражала лица целиком.

Впервые с момента появления имени Лея смогла вдохнуть, не опасаясь, что воздух уже принадлежал чьей-то другой жизни.

Глава 5. Подруга, которая помнит дважды

В прачечной висело чужое небо.

Мокрые простыни тянулись от стены к стене, пар поднимался из медных баков, и солнечные пятна, которых снаружи не было, плавали по белой ткани. Лея шла между полотнищами, касаясь каждого тыльной стороной ладони. Ткань пропускала тепло, но не возвращала образ. Для книги это был тупик.

Эрен нёс экран сложенным. Здесь он был бесполезен и слишком широк для прохода. Работницы смотрели на него с неудовольствием, на Лею — с любопытством, на футляр — с профессиональным уважением к вещи, которую нельзя мочить.

— Выход во двор закрыт, — сказала пожилая прачка. — Там трубу прорвало.

Лея показала жетон.

— Мне нужен проход к Птичьему переулку. Без окон и зеркал.

— Через сушильню. Только вашего мужа оставьте здесь, он нам рамы посшибает.

— Он не мой муж.

— Тогда тем более оставьте.

Эрен впервые за дорогу посмотрел на Лею — вопросительно, без тени улыбки. Она велела ему снять ткань с деревянной рамы и свернуть её отдельно. Дерево удалось протащить боком.

В сушильне воздух был горячим и сухим. Красный шнур на футляре ослаб, словно связь книги зависела не только от отражения, но и от воды. Лея отметила это для записи. Потом попросила прачку назвать время и подтвердить, что они прошли насквозь, не приближаясь к Южной улице.

— А зачем? — спросила та.

— Чтобы завтра я не убедила себя в обратном.

Прачка оглядела Лею внимательнее и произнесла в жетон время, место и маршрут. Не задала ни одного лишнего вопроса. В Белоречье люди умели распознавать дни, когда чужая странность могла к вечеру стать общей.

Запасной вход в мастерскую Саны находился за навесом для угля. Дверь была выкрашена синей краской и не имела ручки снаружи. Лея постучала условным ритмом: два коротких, пауза, один длинный.

Никто не ответил.

Она повторила. За дверью что-то упало, затем послышались быстрые шаги.

— Кто? — спросила Сана.

— Я.

— Это недостаточный ответ.

Обычная их шутка сегодня прозвучала как правильный протокол.

— Лея Радан. Тридцать семь лет. Курьерский номер двести восемнадцать. Мы познакомились девять лет назад, когда ты обвинила меня в том, что я принесла тебе зеркало рамой вниз.

— Ты действительно принесла его рамой вниз.

— Потому что верх был отмечен на обороте неверно.

— Что я подарила тебе на тридцатилетие?

Лея знала ответ: маленький фонарь с синим стеклом. Он стоял у неё в прихожей. Но рядом с этим воспоминанием внезапно возникло другое — дорожная сумка, собранная для Южной станции. В сумке лежал тот же фонарь, завернутый в рубашку.

— Не отвечу, — сказала Лея. — Моё воспоминание могло измениться. Проверь жетон и шов на ремне футляра. Ты зашила его зелёной нитью после доставки на Каменный мыс.

В двери открылось узкое окошко. Показался тёмный глаз Саны.

— Кто с тобой?

— Эрен Воль.

Окошко захлопнулось.

За дверью лязгнул засов — не открывая, а добавляя второй.

— Уходи, Эрен.

— Я уйду, если Лея прикажет, — сказал он.

— Она тебе приказывает?

— Пока нет.

— Тогда я приказываю.

Лея положила ладонь на дверь.

— Сана, он знает устройство четвёртой черты. Я не считаю его безопасным. Он признался в краже моей книги и в том, что не дал тебе список детей. Мне нужен свидетель, которому ты не доверяешь по собственным причинам, а не только по моим.

Тишина за дверью изменилась. Сана не ахнула и не переспросила про книгу. Она всегда сначала искала место, где вещь могла сломаться дальше.

— Футляр закрыт?

— Да.

— Отражение проявлялось?

— На внешних поверхностях и один раз голосом через закрытый корпус.

— Ты читала что-нибудь?

— Книга прочла меня. Навязала решение уехать. Я прервала пустым вручением.

Засовы начали открываться.

— Эрен входит последним, — сказала Сана. — Руки держит выше стола. Если назовёт хоть одно имя без разрешения, я закрою его в серебряном шкафу.

— Он туда не поместится, — заметила Лея.

— По частям поместится.

Дверь распахнулась.

Сана Мирт была ниже Леи и вдвое шире в плечах. Чёрные волосы она стригла сама коротким ножом; сегодня один висок был вымазан серебряной пастой. На кожаном фартуке висели щипцы, линзы и три молоточка, каждый опаснее библиотечного ключа.

Она быстро осмотрела Лею, коснулась зелёного шва на ремне, проверила зрачки, затем отступила.

— Тыходишь. Футляр — на подвес. Эрен — к стене.

Мастерская изменилась с прошлого визита. Все готовые зеркала были завешены, осколки убраны в закрытые ящики, даже стекло на часах закрасили мелом. В центре комнаты висело кольцо из матовой меди. Под ним Сана поставила чашу с чёрным песком.

— Ты ждала неприятностей? — спросила Лея.

— Они пришли час назад.

Сана указала на дальнюю стену. Там стояла рама без зеркала. Между пустыми краями висело отражение Саны: оно сидело за рабочим столом и писало письмо, хотя настоящая Сана находилась рядом.

В отражении она была старше. Серебро покрывало оба виска, пальцы двигались медленнее, на левой руке не хватало мизинца.

— Это запись? — спросила Лея.

— Нет. Возможность. Я увидела её после первого грома. Она пишет тебе, что я уехала из Белоречья семь лет назад.

— Но ты не уезжала.

— Я знаю одну жизнь, в которой не уезжала. Эта помнит другую.

Отражённая Сана подняла голову. Губы шевельнулись без звука.

Эрен у стены побледнел ещё сильнее.

— Не смотрите ей в глаза, — сказал он.

Сана взяла самый маленький молоток.

— Ещё один приказ в моей мастерской, и я проверю вместимость шкафа.

— Это предупреждение.

— Тогда формулируй как предупреждение и объясняй риск.

— Если возможность удерживает взгляд, она может назначить смотрящего свидетелем своей биографии. После этого ваши воспоминания начнут подтверждать друг друга.

Сана повернулась к Лее.

— Твоё решение уехать. Какие подробности?

Лея перечислила станцию, билет, комнату над аптекой, вещи и письмо. На словах о фонаре Сана сжала молоток.

— Комната была над аптекой? С зелёной вывеской?

— Я не видела цвет вывески.

— А я видела. Последние три года мне снится, что я приезжаю к тебе туда каждую осень.

Ты чинишь футляры, а не доставляешь их. На окне стоят травы, которые ты вечно забываешь поливать.

— Почему ты не говорила?

— Потому что это был сон. Потом — повторяющийся сон. Сегодня он стал воспоминанием.

Сана подошла к закрытому шкафу и достала две тетради, одинаковые снаружи. Положила их на стол, но открыла только одну.

— Это журнал заказов. Здесь ты впервые пришла ко мне девять лет назад.

На странице стояла дата, номер зеркала и примечание: «Курьер Радан доставила рамой вниз, маркировка ошибочна». Почерк Саны был резким, тесным.

Во второй тетради на той же странице значилось: «Письмо от Леи из Южного города. Просит прислать синее стекло для фонаря».

— Откуда она взялась? — спросила Лея.

— Лежала под первой, когда я открыла ящик после дождя. Бумаге на вид семь лет. Чернила мои. Я помню, как писала обе строки.

Лея не коснулась тетрадей.

— Что ты помнишь первым?

— Это плохой вопрос. Порядок воспоминаний тоже можно подделать.

— Тогда что подтверждается снаружи?

— Первая тетрадь сверена с налоговыми квитанциями, заказами и твоим жетоном. Вторая — ничем, кроме подробностей в моей голове.

Сана закрыла обе.

— Поэтому я не стану твоей запасной памятью, Лея.

Слова задели сильнее, чем Лея ожидала.

— Я не просила.

— Пока нет. Но скоро захочешь спрашивать: какой я была, что я любила, правда ли я выбирала. И я захочу отвечать, потому что люблю тебя и уверена, что помню лучше. Вот тогда каталог получит двух женщин, каждая из которых держит другую за горло правильной биографией.

— Я не позволю этому случиться.

— Позволишь, если испугаешься. Я тоже позволю. Поэтому границы задаются до страха.

Сана развернула чистый лист и написала четыре строки.

— Я подтверждаю только события, у которых есть независимый след. Не отвечаю на вопросы о твоих желаниях. Не храню единственный экземпляр твоих записей. Не принимаю решений за тебя, даже если ты забудешь прежнее. И ты делаешь для меня то же самое.

Лея прочла и почувствовала, как внутри поднимается возражение. Если однажды она не сможет отличить себя от внедрённой жизни, разве не для этого нужна подруга? Человек, способный вернуть тебя тебе?

Но именно так архив оправдывал книги.

— Добавь право отказа, — сказала Лея. — Если одна из нас просит подтверждать её до изнеможения, другая может остановить сверку.

Сана дописала пятую строку.

Они обе поставили время и подписи. Затем Сана сделала копию через угольную бумагу и одну отдала Лее, другую спрятала в железную кассу.

— Теперь футляр, — сказала она.

Лея подвесила его внутри медного кольца. Сана не прикоснулась к серебру голой рукой: закрепила ремень деревянными щипцами и провела над четвёртой чертой пластинкой тусклого стекла.

На стекле проявилась не Нера Вей, а полка.

Четырнадцатый ряд, шестая секция, девятое место. Пустой корешок был выдвинут на ширину пальца.

— Название видишь? — спросила Лея.

— Нет. И не хочу.

— Эрен видит шифр.

— Я слышала.

Сана повернулась к нему.

— Двенадцать лет назад я попросила список сорока трёх детей. Ты сказал, что списка не существует.

— Я солгал.

— Сколько книг было на самом деле?

— В первой партии — сорок три. Потом ещё восемнадцать.

— Лея в какой?

— В первой.

— Кто подписал создание?

— Наставница каталога Веста Орн. Но подпись могла быть перенесена с другого приказа.

— Ты видел оригинал?

— Нет.

— Тогда не прячь неизвестность за фамилией.

Сана вернулась к футляру и провела пластинкой вдоль замка. Белая полка на стекле удлинилась. Рядом с книгой Леи показались другие — десятки одинаковых серых томов.

— Это не связь одной книги с одним отражением, — сказала она. — Футляр работает как курьерский узел. Куда бы Лея его ни принесла, он прокладывает дорогу всей полке.

— Я предполагал, — сказал Эрен.

— Предположение ты оставляешь себе. Здесь либо измерение, либо молчание.

Он кивнул.

Сана взяла чёрную ткань экрана, растянула на столе и вскрыла шов у клейма. Изнутри выпала узкая бумажная полоска.

На ней её почерком было написано: «Если экран вернётся ко мне вместе с книгой Радан, не доверять моей памяти. Разобрать медную вставку».

Лея почувствовала холод, хотя в мастерской было жарко.

— Ты это писала?

— Теперь помню, что да.

— А минуту назад?

— Нет.

Сана поддела медную ласточку ножом. Внутри клейма оказался крошечный осколок зеркала, повернутый отражающей стороной к дереву. На обороте процарапали число: шестьдесят один.

— Количество книг, — сказал Эрен.

— Это уже измерение, — отозвалась Сана. — Совпадает с твоими числами.

Она положила осколок в чёрный песок. На серебристой поверхности появилось молодое лицо Саны. Та, прежняя, смотрела прямо на них и беззвучно повторяла одно слово.

Лея не читала по губам.

Сана накрыла осколок ладонью в перчатке.

— Я спрятала свидетельство в работе, которую архив должен был вернуть. Значит, уже тогда подозревала подмену собственной памяти.

— Почему шестьдесят один, а просила ты сорок три? — спросила Лея.

— Потому что узнала о второй партии раньше, чем забыла.

В пустой раме у стены пожилая Сана перестала писать. Она подняла левую руку с четырьмя пальцами и указала на медное кольцо.

Четвёртая черта на футляре дошла до замка.

Щёлкнуло.

Сана одним движением затянула кольцо. Матовые медные лепестки сомкнулись вокруг футляра, оставив только узкие щели для воздуха. Красный шнур вспыхнул и почернел, но замок не открылся.

Изнутри ударили сразу несколько голосов. Ни один не звучал как Нера.

— Рама держит? — спросила Лея.

— Держит не содержимое. Только границу поверхности. Минут десять, если никто не назовёт увиденное.

Эрен сделал шаг от стены.

Сана подняла молоток.

— Я могу закрыть шифр полки, — сказал он. — Для этого не нужно читать имя.

— Цена?

— Ключ останется внутри рамы. Я потеряю доступ к библиотеке.

— Это твоя цена, — сказала Лея. — А для нас?

Он посмотрел на медное кольцо.

— Книга выберет другой путь. Вероятно, через ближайшую невручённую запись.

— То есть вред перейдёт к неизвестному курьеру и получателю. Нет.

— Тогда нужно доставить футляр туда, где отражение не сможет завершиться и где нет книг.

— Такое место существует? — спросила Сана.

Лея подумала о служебных хранилищах, семейных склепах, тёмных комнатах реставраторов. Везде были либо записи, либо память о них.

— Отказная комната на старой почтовой станции, — сказала она. — Туда помещают отправления, которые получатель письменно отказался принимать. Ни одна доставка там не считается завершённой.

— Центральный архив контролирует станцию, — напомнил Эрен.

— Дневной реестр контролирует. Ночную комнату открывает старшая курьерка.

— Ты ей доверяешь? — спросила Сана.

Лея вспомнила собственное новое правило.

— Это не имеет значения. У неё есть полномочие, а у нас — проверяемые признаки нарушения доставки.

Сана удовлетворённо кивнула.

— Тогда мы не понесём футляр сейчас. Я сделаю переносной кокон из матовой меди. Два часа.

— У нас десять минут.

— У рамы десять. У меня меньше, если вы будете мешать.

Она указала Эрену на мехи у печи, Лее — на шкаф с листовой медью.

— Он остаётся у меня на глазах. Ты идёшь в переднюю комнату и записываешь всё, что помнишь о своей жизни до сегодняшнего дня.

— Зачем, если память уже могла измениться?

— Не для истины. Для снимка состояния. Завтра сравним изменения, но не назначим старую запись главнее тебя.

Лея взяла чистую тетрадь.

— Сана.

— Что?

— Если я попрошу тебя сказать, должна ли я остаться в Белоречье...

— Откажусь.

Ответ пришёл без мягкости, и именно поэтому на него можно было опереться.

— Хорошо, — сказала Лея.

Она ушла в переднюю комнату, где окна были закрашены известью. За стеной Сана отдавала Эрену короткие распоряжения, а он исполнял их без возражений. Медное кольцо время от времени гудело. Голоса внутри футляра шептали всё тише.

Лея открыла тетрадь и написала первую строку: «Я не обязана оставаться той, какой меня помнят».

Потом вторую: «Но никто не вправе менять меня так, чтобы я приняла чужой выбор за свой».

Лишь после этого она начала перечислять факты.

За стеной молоток Саны отбивал по меди новый ритм — не запасную память, не обещание спасения, а работу, которую можно было проверить.

Глава 6. Каталог непроизнесённых

К полуночи медный кокон остыл.

Он напоминал дорожный улей: овальный, тяжёлый, без единого блестящего ребра. Сана закрыла швы чёрным воском, обернула ручки грубой тканью и оставила у замка узкое окошко, через которое можно было видеть только красный аварийный шнур. Ни серебро футляра, ни отражение внутри не получали дороги наружу.

— Держит сколько? — спросила Лея.

— До первого сильного удара. Или пока кто-нибудь не решит отполировать медь рукавом. Или пока я не ошиблась.

— Последнее особенно утешает.

— Я не утешаю. Я перечисляю условия.

Сана затянула последний ремень на плече Леи, потом сунула ей сложенный лист.

— Акт упаковки. Материалы, время, состояние швов. Здесь твоя подпись, здесь моя. Эрен распишется свидетелем, но не экспертом.

Эрен стоял у двери, всё ещё держа руки на виду. За два часа работы он ни разу не попытался приблизиться к кокону без команды. Это было полезным поведением. Лея не стала называть его хорошим.

Он прочёл акт и подписал: «Присутствовал. Содержимого не видел».

— Верно, — сказала Лея.

— Я помню правила свидетельства.

— Ты помнил их и двенадцать лет назад.

Он задержал перо над бумагой, словно хотел ответить, но положил его. Молчание не исправляло прошлого. Зато впервые не требовало от Леи облегчить ему вину.

Сана открыла заднюю дверь мастерской. Стекольный дождь кончился, однако мостовая ещё хранила тысячи тусклых бликов. Она бросила на кокон плотный плащ.

— Я иду с вами.

— Нет, — сказала Лея.

— Это моя рама.

— А мастерская — независимый след. Если мы вернёмся с другой памятью, кто-то должен сравнить кокон, акт и записи.

Сана сдвинула брови.

— Не назначай меня тылом только потому, что так тебе спокойнее.

— Я назначаю тебя хранителем второго экземпляра. Отказаться можешь сейчас.

Сана посмотрела на железную кассу, где лежало их соглашение, потом на пустую раму у стены. Пожилая возможность исчезла из неё, оставив только известковую стену.

— Принимаю до рассвета, — сказала она. — После рассвета моё согласие нужно получить заново.

Она вручила Лее два медных жетона с неровными краями.

— Один сломай, если кокон начнёт отвечать голосом. Второй — если тебе покажется, что всё уже закончилось хорошо.

— Почему тогда?

— Потому что хорошо закончившаяся беда чаще всего и просит снять защиту.

Старая почтовая станция стояла на краю Нижнего рынка, между закрытой баней и складом сухих трав. Когда-то отсюда уходили ночные дилижансы; теперь в главном зале сортировали только посмертные отправления и письма без живого адреса. Над входом висели часы с матовым циферблатом. Их стрелки показывали разное время: одна — городское, другая — время последнего принятого отказа.

Лея выбрала путь через дворы. Она шла первой, Эрен — в шести шагах позади, чтобы случайное отражение не соединило их фигуры в одну сцену. В каждом переулке Лея называла номер маршрута и причину поворота. Эрен повторял только номер, не её решение.

У станции их ждала старшая ночная курьерка Рима Лан. Ей было за пятьдесят; левое ухо она потеряла в аварии с зеркальным вагоном и с тех пор разворачивалась к собеседнику всем телом. На форменном пальто серебрились семь нашивок за безошибочную службу.

— Радан, — сказала она. — Твой допуск не ночной.

— А нарушение круглосуточное.

Лея предъявила жетон, акт Саны и маршрутную карточку Неры Вей. Не стала рассказывать об имени, Эрене и собственной памяти: для открытия отказной комнаты требовались признаки испорченной доставки, а не исповедь.

Рима проверила печати кончиком костяной палочки.

— Получатель умер до отправителя. Футляр активен. Согласия наследников нет. Этого достаточно. А он зачем?

— Видит библиотечный шифр, которого не вижу я.

— Сотрудник архива?

— Бывший.

— Причина увольнения?

— Подмена каталогов, — ответил Эрен.

Лея посмотрела на него. Формулировка была неполной, но впервые он выбрал не удобное слово «изгнание».

Рима положила перед ним журнал посетителей.

— В отказной комнате вы не библиотекарь. Не читатель. Не владелец ключа. Вы — зрячий свидетель при курьере. Распишитесь.

— Там есть зеркала? — спросил Эрен.

— Нет.

— Тогда я могу не увидеть шифр.

— Это не условие входа. Распишитесь в том, что вам запрещено действовать без поручения Радан.

Он подписал.

Рима сняла со стены три ключа. Первый открывал железную дверь под лестницей, второй — решётку в узком коридоре. Третий был деревянным и подошёл к замку без скважины: его вставили в квадратное углубление и повернули вместе с целой доской.

— Отказ нельзя отпереть железом, — пояснила Рима. — Железо слишком хорошо помнит право владельца.

За дверью оказалось круглое помещение с глиняными стенами. Пол был засыпан серым песком, потолок вычернен сажей. Вдоль стены стояли полки, но не библиотечные: каждая ячейка была отделена от соседней пробковой прослойкой. На полках лежали письма, коробки и зеркальные футляры, завёрнутые в войлок.

У каждого предмета висела белая карточка отказа.

— Здесь нет книг, — тихо сказал Эрен.

— Здесь нет принятых книг, — поправила Рима. — Неполученные письма бывают и сшитыми.

Она указала на круг, начерченный в песке.

— Ставьте кокон туда. Если карточка изменит цвет, выходим. Если кто-то услышит имя, не повторяет. Если предмет обратится лично — отвечает только курьер и только номером отправления.

Лея опустила кокон в центр. Вес сразу ушёл с плеч, но ремни ещё несколько мгновений стягивали ключицы, будто ноша не согласилась, что её больше не несут.

Рима закрыла дверь изнутри и перевернула песочные часы.

— Десять минут наблюдения. Потом оформляем хранение.

Первую минуту ничего не происходило.

На второй в узком окошке кокона дрогнул красный шнур.

На третьей все белые карточки отказа одновременно повернулись ребром, хотя воздух был неподвижен.

Эрен медленно поднял руку.

— Что видишь? — спросила Лея.

— Не вижу. Считаю.

— Что именно?

— Промежутки.

Между ячейками проступали тёмные вертикальные линии. Сначала Лея приняла их за тени пробковых прокладок. Потом одна линия выгнулась, стала корешком и чуть выдвинулась из стены. Следом проявилась вторая. Круглая комната словно оказалась вложена в библиотечный зал: отправления остались на местах, но за ними выросли серые книги без надписей.

Лея не смотрела на корешки прямо. Она следила за карточками.

На ближайшем футляре было написано: «Получательница Сайя Грен. Отказ: не желаю видеть последнее обращение отца». За карточкой проступила книга. Тонкая нить, похожая на волос из ртути, тянулась от её нижнего края к футляру.

У следующего свёртка: «Адресат не установлен». Вторая нить.

У деревянной коробки: «Получатель отозвал согласие до вручения». Третья.

— Каждая книга связана с отказом, — сказала Лея.

— Не с отказом, — возразил Эрен. — С незавершённой доставкой.

— Это сейчас одно и то же?

Он всмотрелся в полку.

— Нет. Там есть отправления, которые не вручены по ошибке. И те, чей срок ещё не наступил.

Рима подошла к журналу на пюпитре, не пересекая песчаный круг.

— Называйте номера ячеек. Без имён.

Лея начала слева. Рима сверяла карточки с журналом. Эрен отмечал, появляется ли за отправлением книга. Через пять минут у них было двадцать семь совпадений из тридцати двух предметов.

Пять несвязанных отправлений отличались только одним: их отказ оформили до смерти отправителя, и тот успел получить уведомление.

— Значит, дело не в том, что память не вручена, — сказала Лея. — Дело в незакрытом согласии. Если умерший знает об отказе, маршрут закончен. Если не знает — каталог считает выбор получателя неисполненным.

— И сохраняет его как возможность, — добавил Эрен.

— Чью возможность?

Он не ответил сразу.

На шестой минуте карточка Сайи Грен пожелтела.

Рима ударила ладонью по стене. Деревянная дверь открылась сама.

— Выходим.

Лея взялась за ремни кокона. Тот не сдвинулся. Не потому, что стал тяжелее: песок вокруг него затвердел в гладкий серый камень.

Из окошка донёсся голос Неры:

— Отправление двести восемнадцать.

Лея ответила по правилу:

— Маршрут приостановлен. Получатель отсутствует.

— Получатель присутствует.

— Назовите признак согласия.

В коконе зашелестели страницы.

Не зеркало. Не голос умершей. Страницы.

Все двадцать семь книг выдвинулись на одинаковую ширину.

— Лея, — произнесла Рима, уже из коридора. — Оставляй предмет.

Это было правильное распоряжение. При аварии курьер спасал человека, а не груз. Лея отпустила ремни и шагнула к двери.

В тот же миг одна из книг раскрылась.

Она не увидела букв. Увидела небольшую комнату над аптекой, зелёную вывеску за окном и синий фонарь на столе. Там жила женщина, похожая на неё. Женщина не носила жетона и не знала маршрутов. Она была спокойна той безжалостной разновидностью спокойствия, которая возникает, если все отвергнутые решения заранее удалены.

Лея остановилась.

— Радан! — крикнула Рима.

Эрен оказался между Леей и раскрытой книгой. Он не коснулся её, только загородил обзор спиной.

— Номер отправления, — сказал он.

— Что?

— Назови номер. Не решение.

Лея сжала жетон в кармане.

— Двести восемнадцать.

— Статус?

— Приостановлено.

— Получатель?

— Тавен Орс. Умер за восемьдесят девять дней до записи.

Комната над аптекой дрогнула и исчезла.

Лея вышла в коридор. Эрен последовал за ней. Рима повернула деревянный ключ, отсекая круглую комнату. Изнутри слышался мягкий удар, будто десятки книг разом вернулись на полку.

— Кокон остался, — сказала Лея.

— Груз сохранён в отказной комнате, — ответила Рима. — Люди вышли. Это правильный порядок.

— Он проложил связь к остальным отправлениям.

— Поэтому до выяснения никто не войдёт.

Рима сняла со связки деревянный ключ и переломила его о край решётки. Половинки положила в разные железные ящики.

— Теперь дверь откроется только новым ключом и двумя подписями.

— Вы видели книги? — спросила Лея.

— Видела полки там, где их нет. Этого достаточно для аварийной записи.

— А комнату над аптекой?

— Нет.

Лея посмотрела на Эрена.

— Ты видел?

— Только открытую книгу. Содержания не видел.

— Почему?

— Она показывала выбор владельца. Не мой.

— Тогда почему книга Саны показывала жизнь Саны любому, кто смотрел?

— Потому что это была возможность, уже назначенная свидетелю. Здесь каталог предложил тебе твою собственную невыполненную развилку.

— Я никогда не жила над аптекой.

— Но могла решить уехать.

— Мне это решение уже навязали.

— Навязали не само желание. Его пригодность.

Лея подошла ближе.

— Объясни без библиотечных слов.

Эрен опустил взгляд на свои пустые ладони.

— Книга не умеет придумать выбор из ничего. Она берёт то, что человек когда-то хотел, боялся или отверг. Затем удаляет всё, что мешает считать один путь неизбежным. Поэтому подмена ощущается правдой. В ней есть твоя правда, из которой вырезали остальные.

— Ты это знал?

— Знал часть.

— Какую?

— Что книги хранят неисполненные решения. Не знал, что каталог научился использовать невручённые отражения как доказательство согласия.

— А детские книги?

Рима не вмешивалась. Она открыла аварийный журнал и ждала, оставляя перо над первой строкой.

Эрен ответил:

— Детям записывали решения, которых они ещё не могли принять. Архив называл это защитой от семейной судьбы. Мы полагали, что книга сохранит возможность до совершеннолетия.

— Вы полагали?

— Нет. Нам велели так говорить. Я хотел верить, потому что иначе должен был отказаться раньше.

— Но не отказался.

— Не отказался.

Лея ощутила знакомое желание заставить его продолжать, пока каждое признание не сложится в полную картину. Но признание, добытое напором, легко спутать с доказательством. Она достала тетрадь.

— Запиши дословно. Что знал тогда. Что понял сейчас. Отдельно.

Он взял перо у Римы и сел на скамью.

Пока Эрен писал, Лея и Рима составили таблицу. Номер ячейки. Вид отправления. Причина невручения. Известно ли отправителю об отказе. Есть ли проявленная книга. Из двадцати семи связанных футляров девятнадцать содержали отражения умерших. Пять — последние письма, записанные зеркальным способом. Три — пустые футляры, чьи записи были уничтожены по просьбе получателей, но отправители об этом не узнали.

— Каталог использует не умерших, — сказала Рима. — Он использует спор между волями.

— Точнее, место, где одна воля уже не может узнать о решении другой, — ответила Лея.

В журнале нашлась ещё одна закономерность. Все двадцать семь отправлений проходили через центральный архив в последние двенадцать лет. Пять несвязанных были оформлены на районных станциях и никогда туда не попадали.

Рима провела ногтем по датам.

— Это не случайная полка. Кто-то отбирал маршруты.

— По какому признаку?

— Сначала думала — по отказам. Теперь не знаю.

Эрен поднял голову от записи.

— По сходству выбора.

— Ты не видел содержания отражений, — сказала Лея.

— Но вижу расположение книг. Каталог ставит рядом не людей, а решения, которые можно переносить одним способом. Эта полка — уход.

Лея вспомнила Эву, отказавшуюся от Верхнего порта. Собственную комнату над аптекой. Пожилую Сану, якобы покинувшую Белоречье.

— Все книги предлагают остаться или уехать.

— Вероятно.

— Не выдавай вероятность за чтение.

— Все видимые шифры принадлежат разделу перемещения, — исправился он. — Содержание отдельных книг мне неизвестно.

Рима перелистнула журнал к карточке Неры Вей.

— А её отражение почему стало узлом?

Лея прочла служебные отметки ещё раз. Нера записала последнее отражение через восемьдесят девять дней после смерти Тавена, хотя присутствовала на его похоронах. Подтвердила адресата собственноручно. Маршрут приняли без повторной сверки реестра умерших.

— Она создала невозможную доставку, — сказала Лея. — Не отказ, не ошибка адреса и не опоздание. Получатель одновременно указан как известный ей живой и подтверждённо мёртвый.

— Две несовместимые воли на одной карточке, — произнёс Эрен.

— Или две версии памяти Неры.

Лея вспомнила фразу из футляра: «Я не просила выбирать за неё».

— Нера знала, что каталог меняет решения. Возможно, специально создала маршрут, который нельзя завершить, чтобы вынести полку из библиотеки.

— Тогда она использовала тебя, — сказал Эрен.

— Да.

Он будто ждал, что Лея смягчит вывод из уважения к умершей. Она не стала.

— Согласия на это я не давала. Но если она оставила доказательство, я могу исследовать его по своим правилам.

Рима закончила аварийную запись и сделала три копии через синюю бумагу.

— Одна остаётся здесь. Одну заберёт районная служба. Третью — ты. Центральный архив уведомят утром, когда две копии уже будут вне станции.

— Они могут забрать футляр.

— Не без отмены моего решения и подписи районного старшины. За это время вы выясните, почему Нера выбрала тебя.

— Или почему каталог выбрал меня, — сказала Лея.

Рима кивнула.

На полях карточки Неры под слоем нового библиотечного шифра проступал старый курьерский знак. Лея заметила его лишь теперь: две короткие черты, круг и разомкнутая петля. Такой знак ставили, если отправитель перед записью менял получателя, но прежний адрес сохраняли в закрытом дополнении.

— Здесь был другой адресат.

Рима принесла костяной нож и осторожно разделила склеенные края карточки. Внутри лежала узкая полоска бумаги.

Имени на ней не было. Только номер курьерского жетона: двести восемнадцать.

Номер Леи.

Эрен встал, но остался у скамьи.

— Значит, получатель — ты.

— Нет, — сказала Лея. — Получателем был Тавен Орс. Потом Нера хотела заменить его мной. Потом снова указала Тавена и запечатала мой номер в дополнении.

— Зачем возвращать мёртвого адресата?

Лея сложила полоску и поместила в прозрачный доказательный конверт.

— Чтобы я имела право остановить доставку, но не право открыть её. Она оставила мне выбор, не завершив его за меня.

Эта мысль принесла облегчение — слишком стройное, слишком своевременное. Лея достала второй медный жетон Саны и сломала его пополам.

— Что это? — спросила Рима.

— Проверка на хорошее объяснение.

На внутреннем изломе жетона выступили буквы, вытравленные кислотой: «КТО ВЫИГ-РАЛ ОТ ТВОЕЙ ВЕРСИИ?»

Лея перечитала собственный вывод.

Если Нера заботливо оставила ей свободу, Нера становилась союзницей, а Лея — выбранной хранительницей доказательства. Эта версия льстила и оправдывала дальнейший риск.

Кому она была выгодна? Лее. Возможно, книге.

— Исправление, — сказала она Риме. — Нам неизвестно, зачем Нера вернула Тавена в строку получателя. Дополнение доказывает только то, что на одном этапе она указала мой жетон.

Рима зачеркнула последнюю фразу в протоколе и вписала новую.

Эрен смотрел на сломанный жетон.

— Сана всегда так работает?

— Когда ей не мешают.

— Я мешал двенадцать лет.

— Запиши это в свой лист, если можешь доказать конкретнее.

К рассвету они закончили опись. В комнате за решёткой было тихо. Желтая карточка Сайи снова побелела, но Рима не позволила приблизиться к двери.

Лея забрала копию протокола, дополнение с номером жетона и письменное признание Эрена. На крыльце станции воздух пах мокрой сажой и травами со склада. В лужах отражалось бледное небо. Ни одной книги видно не было.

— Я пойду с тобой к Сане, — сказал Эрен.

— Ты вернёшься в библиотеку.

Он принял ответ не сразу.

— Почему?

— Потому что цепочка теперь заперта здесь, а её второй конец — там. Мне нужен перечень полки и правила её расположения. Письменно. Без чтения моей книги и без попытки открыть зал.

— В библиотеке опаснее одному.

— Это не довод, почему я должна быть рядом.

— Нет, — сказал он. — Не довод.

Лея вынула из тетради лист и записала поручение, ограничения и срок — до полудня. Эрен прочёл, добавил собственноручно: «При проявлении книги Радан прекращаю работу и выхожу, не читая шифр», — затем подписал.

— Ты доверяешь мне это? — спросил он.

— Я делю задачу так, чтобы результат можно было проверить. Это не то же самое.

— Понимаю.

Возможно, теперь понимал. Возможно, только научился отвечать правильно. Лея позволила неопределённости остаться неопределённостью.

Они разошлись у первой развилки. Эрен направился к Старой библиотеке по улицам без витрин. Лея — к мастерской Саны, неся документы в кожаной папке под пальто.

На мосту она увидела женщину с дорожным сундуком. Та стояла у остановки южного дилижанса и спорила с кондуктором: билет был выписан на сегодняшнее утро, но женщина клялась, что никогда не собиралась уезжать.

Лея не подошла к ней. Одного совпадения было недостаточно, а чужой страх не являлся разрешением на допрос.

Она записала время, номер экипажа и фамилию кондуктора.

Потом посмотрела на просыпающееся Белоречье. За каждым окном кто-то выбирал — встать или остаться в постели, уйти или вернуться, простить или закрыть дверь. Каталог не создавал эти развилки. Он делал хуже: присваивал право объявить одну из них единственной.

В папке лежали двадцать семь нитей к двадцати семи невручённым отправлениям. В памяти — полка из шестидесяти одной детской книги. Между ними пока не было доказанной связи.

Но у Леи впервые появился не только враг, которого нельзя назвать, а список действий, которые можно проверить.

И собственный номер в тайном дополнении к последнему отражению Неры Вей.

Глава 7. Право не принимать память

Сана прочла протокол дважды и ни разу не спросила, что Нера хотела сказать Лее.

— Кокон остался на станции, — произнесла она. — Значит, проверить мои швы я не могу. Копия акта у Рима есть?

— Есть.

— Хорошо. Теперь спать.

— Сейчас придёт центральный архив.

— Поэтому особенно спать. Уставшему человеку легче внушить, что срочность отменяет согласие.

Лея легла на узкую кушетку в задней комнате мастерской, но через час её разбудил стук. Не условный — властный, равномерный. За дверью стояли двое архивариусов в серых пальто и женщина с золотой застёжкой на воротнике.

Лея знала её: Иара Нель, распорядительница спорных доставок. Она умела произносить отказ так, будто разрешала собеседнику сохранить достоинство.

— Курьер Радан, — сказала Иара. — Ваше присутствие требуется на станции.

— Основание?

— Аварийное изъятие отправления двести восемнадцать.

— Изъятие из отказной комнаты возможно только с двумя подписями.

— Они будут.

— Уже есть?

Иара улыбнулась.

— Вы всегда отличались буквальным пониманием порядка.

— Порядок существует именно в буквах.

Сана встала рядом, держа копию акта.

— Моя упаковка передана на хранение при указанных условиях. Вскрытие без меня нарушит акт.

— Мы не собираемся вскрывать кокон, мастер Мирт.

— Тогда письменно подтвердите.

Иара не ответила. Лея надела пальто и взяла папку. Сана не пошла с ней: их утреннее соглашение истекло, а нового Лея не просила. Вместо этого она передала свежий медный жетон.

На нём было вытравлено: «ЧЬЁ МОЛЧАНИЕ ВЫ НАЗВАЛИ СОГЛАСИЕМ?»

У станции стояла закрытая карета архива. В ночном зале Рима спорила с районным старшиной. Перед ними лежал приказ с двумя печатями, но без времени составления.

— Они хотят не только футляр Неры, — сказала Рима. — Все связанные отправления.

Иара сняла перчатки.

— После ночного проявления эти предметы угрожают получателям. Архив переместит их в защищённое хранилище.

— Получатели уже отказались, — ответила Лея.

— Не все отказы надлежаще подтверждены.

— Назовите один.

Иара открыла журнал на карточке Сайи Грен.

— Этот. Дочь отказалась от последнего отражения отца через три дня после его смерти. Свидетелей не было. Причина эмоциональна. Срок повторного решения ещё не истёк.

— В правилах нет срока повторного решения.

— Есть возможность пересмотра.

— Возможность — право получателя, не обязанность курьера держать дверь открытой для умершего.

Иара повернулась к районному старшине.

— Вот почему Радан не может участвовать в изъятии. Она заранее встала на сторону отказа.

— У отказа нет стороны, — сказала Лея. — Это граница маршрута.

Из коридора донёсся женский голос:

— Тогда почему вы всё ещё храните его там?

В зал вошла Сайя Грен. Высокая, коротко стриженная, в рабочем переднике, испачканном мукой. За ней стоял молодой курьер центрального архива. Он держал раскрытый журнал вызовов.

— Меня привезли подтвердить согласие, — сказала Сайя. — Хотя я трижды сказала, что не согласна.

Лея показала жетон.

— Хотите говорить со мной как с курьером этой станции?

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Это тоже ответ. Вам не нужно объяснять причину.

— Но я объясню. Отец записал отражение после того, как я запретила ему приходить в мой дом. Он всегда считал моё «нет» началом торга. Теперь умер, и все решили, что смерть сделала его слова важнее моих.

Иара мягко произнесла:

— Никто не заставляет вас смотреть запись. Нам нужно лишь удостовериться, что решение принято без временного потрясения.

— Сколько раз?

— Что?

— Сколько раз я должна принять одно решение, чтобы оно стало настоящим?

Вопрос повис в зале.

Лея посмотрела на молодого курьера.

— Кто поручил доставить Сайю сюда?

— Распорядительница Нель.

— Письменное согласие на поездку?

Он опустил глаза.

— Она села в карету сама.

— После чего?

— Я сказал, что иначе её отказ могут признать недействительным.

— То есть вы поставили сохранение её отказа в зависимость от приезда.

Иара закрыла журнал.

— Не устраивайте разбирательство с младшим служащим.

— Тогда отвечайте вы. На каком основании?

— На основании риска подмены решения книгой имени.

— Вы утверждаете, что её отказ подменён?

— Мы обязаны исключить это.

— Каким способом?

Иара впервые помедлила.

— Сопоставлением с отражением отправителя.

Сайя рассмеялась — коротко и зло.

— Чтобы узнать, хочу ли я слушать отца, вы заставите меня слушать отца.

Лея почувствовала, как механизм замкнулся. Архив объявлял отказ сомнительным, а единственным доказательством признавал действие, от которого человек отказался.

— Нельзя использовать спорное отправление для подтверждения согласия на его получение, — сказала она.

— Можно использовать сведения о намерении отправителя.

— Его намерение не является волей получателя.

Иара сняла со стола приказ.

— Курьер Радан, вы отстранены от разговора. Передайте жетон районному старшине до окончания проверки.

— Покажите распоряжение об отстранении.

— Оно будет оформлено.

— Значит, пока его нет.

Лея повернулась к Сайе.

— Вы хотите покинуть станцию сейчас?

— Да.

— Рима, откройте выход.

Рима уже держала дверь. Архивариусы шагнули наперерез, но районный старшина поднял руку.

— Удерживать получательницу мы не уполномочены.

Сайя пошла к выходу. Молодой курьер отступил. Иара не повысила голоса.

— Если вы уйдёте, госпожа Грен, запись будет признана бесхозной и передана семье отправителя.

Сайя остановилась.

Лея сломала медный жетон Саны. На изломе проступил тот же вопрос: чьё молчание назвали согласием?

— Это неверно, — сказала Лея. — Отражение записано вам и не становится семейным имуществом после отказа. Оно подлежит закрытому уничтожению или возврату в соответствии с волей отправителя, если такая воля зафиксирована.

— Воля не зафиксирована, — ответила Иара.

— Тогда уничтожению после срока хранения.

Сайя вышла. Рима закрыла за ней дверь.

Иара достала из папки чистый бланк и начала писать. Лея понимала, что будет дальше, ещё до того, как перо дошло до её фамилии.

— До дисциплинарного рассмотрения ваш доступ к центральному архиву и спорным доставкам приостановлен. Жетон.

Теперь распоряжение существовало. На нём стояли время, основание и подпись распорядительницы. Лея прочла каждую строку.

— Формулировка «создала препятствие проверке согласия» неточна. Я препятствовала принуждению к контакту с отправлением.

— Можете приложить возражение.

— Приложу.

Она отстегнула жетон 218. Без него пальто сразу показалось чужим. Двенадцать лет работы помещались в круге потемневшего серебра: царапина после Каменного мыса, зелёная нить Саны в отверстии, маленькая вмятина от первого пустого вручения.

Лея положила жетон на бланк, но накрыла ладонью.

— Зафиксируйте, что тайное дополнение к карточке Неры содержит этот номер. После передачи жетона совпадение должно быть подтверждено копией.

Рима принесла бумагу и сделала оттиск номера. Районный старшина подписал. Только тогда Лея убрала руку.

Иара забрала жетон.

— Вам следовало доверять процедуру тем, кто видит всю систему.

— Система, которая видит всё, кроме слова «нет», плохо устроена.

— Вы полагаете, что защищаете получательницу. Но если её решение внедрено книгой, вы защищаете каталог.

— Это возможно, — сказала Лея.

Иара явно не ожидала согласия.

— И именно поэтому нельзя проверять свободу человека, отнимая у него право отказаться. Нужен способ, не зависящий от содержания записи.

— Предложите его, когда вернёте допуск.

— Предложу раньше.

Архивариусы ушли к карете без футляров. Рима сохранила закрытую комнату, сославшись на необходимость изготовить новый деревянный ключ при двух независимых свидетелях. Это давало им несколько часов, не больше.

На улице Сайя ждала под навесом. Лея подошла без жетона и остановилась в двух шагах.

— Я больше не веду вашу доставку.

— Из-за меня?

— Из-за решения архива и моего профессионального возражения. Не из-за вас.

— Они вернуться?

— Вероятно. Вы можете подать отдельное заявление об уничтожении записи. Можете ничего не делать. Можете назначить представителя. Ни один вариант не требует объяснять отношения с отцом.

Сайя сжала руки под передником.

— А если я когда-нибудь передумаю?

— Тогда это будет новое решение. Оно не делает сегодняшний отказ ложным.

— Вы так уверены?

Лея посмотрела на пустое место, где висел жетон.

— Я уверена только в процедуре, которая оставляет вам возможность решить иначе без наказания за прежнее решение.

Сайя кивнула и ушла к рынку.

Возле мастерской Саны стоял Эрен. Он принёс перевязанный бечёвкой список и не пытался войти.

— Где жетон? — спросил он.

— У архива.

Он понял слишком быстро.

— Из-за отказной комнаты?

— Из-за того, что я не позволила превратить отказ в согласие на проверку.

— Я могу открыть боковой вход в каталог. Твой допуск не понадобится.

Предложение было практичным и немедленным. Ещё вчера Лея могла бы услышать в нём спасение. Теперь услышала цену: стать зависимой от ключа человека, уже однажды решившего за неё.

— Нет.

— Без архива ты не проверишь список.

— Проверю другими следами.

— Какими?

— Пока не знаю.

Эрен медленно кивнул.

— Тогда вот то, что можно проверить без входа.

Он протянул свёрток. Внутри была схема шестидесяти одной позиции: не имена, а номера полок, годы создания и знаки групп решений. К разделу перемещения относились девять книг. Возле одной стоял номер жетона 218.

— Ты видел мою книгу?

— Только номер ячейки из старой описи. К залу не подходил. Когда корешок проявился в стекле двери, я вышел, как написал в поручении.

— Кто подтвердит?

— Смотритель угольного склада видел, когда я вошёл и вышел. Я попросил его записать время. Записка приложена.

Лея приняла свёрток.

Это тоже не было доверием. Но было действием, устроенным так, чтобы доверие однажды могло стать не прыжком, а выводом.

Сана открыла дверь и посмотрела на пустое место на пальто Леи.

— Заходите оба, — сказала она. — Только сначала каждый назовёт, что сегодня потерял, а что решил не отдавать.

— Я потеряла допуск, — ответила Лея. — Не отдала чужое право на отказ.

Эрен посмотрел на список в её руках.

— Я потерял возможность быть единственным проводником. Не отдал ей ключ вместо доказательств.

Сана отступила, пропуская их.

В мастерской пустая рама снова показывала только стену. На столе лежали три чистые тетради. Одну Сана подвинула Лее.

— Пиши возражение на отстранение.

— Архив его отклонит.

— Возможно. Но независимый след нужен не только тогда, когда власть собирается его уважать.

Лея села. Первой строкой она записала слова Сайи: «Сколько раз я должна принять одно решение, чтобы оно стало настоящим?»

Потом зачеркнула кавычки. Это была не её фраза для присвоения. Ниже указала время, место и имя свидетельницы, оставив содержание для заявления самой Сайи, если та захочет его подать.

Без жетона Лея не могла войти в центральный архив, вести доставку или требовать служебные журналы. Но профессия оказалась больше допуска. Она состояла из различий, которые Лея умела удерживать: память и человек, отправление и имущество, возможность и обязанность, молчание и согласие.

Архив мог забрать серебряный круг.

Право назвать эти различия своим именем он забрать не мог.

Глава 8. Маршрут через стекольный дождь

Возражение заняло семь страниц и ничего не вернуло.

К рассвету на последнем листе стояли три подписи: Леи, Римы и Саны. Эрен расписался только под приложенной описью — там, где мог подтвердить собственные действия. Это понравилось Лее больше, чем если бы он попытался стать свидетелем всего сразу.

Она перечитала первую фразу: «Приостановление допуска не прекращает обязанности службы обеспечить сохранность отказанных отправлений». Фраза была точной, но под ней ощущалась пустота. Без жетона Лея не могла войти ни в архив, ни в служебную карету, ни даже в комнату выдачи районной станции. Бумага защищала правило. Кокон Неры защищала только задержка с новым ключом.

Сана поставила перед ней чашку с водой.

— Если скажешь, что не устала, я запишу это как первое доказательство подмены.

— Я устала.

— Уже лучше.

В окно ударила первая крупная капля. Она не растеклась по стеклу, а осталась висеть выпуклой бусиной. Потом рядом легла вторая, третья. Через минуту весь переулок звенел.

Стекольный дождь приходил в Белоречье дважды за осень, когда ветер с соляных заводов поднимал прозрачную пыль и склеивал её влагой. Капли застывали на лету тонкими скорлупками. Они разбивались о крыши, мостовую и плечи прохожих, оставляя безвредные, но острые осколки. Зеркальщики закрывали ставни. Курьеры отражений отменяли маршруты: каждая капля могла на мгновение показать лицо того, кто смотрел на неё.

Сегодня дождь пришёл на месяц раньше.

В дверь постучали условно: два раза, пауза, ещё один. Так стучали ночные курьеры, когда не хотели называть себя с улицы.

Рима вошла в мастерскую в мокром плаще. На воротнике уже намерзли прозрачные чешуйки.

— Новый ключ изготовят к полудню, — сказала она. — Иара прислала двух понятых. Я оставила у двери старшину, но долго он их не удержит.

— Кокон цел? — спросила Сана.

— Цел. Зато одно из несвязанных отправлений заговорило.

Лея отставила чашку.

— Какое?

— Пятое. Получатель умер, отправительница узнала об отказе при жизни. По нашей схеме оно не должно проявлять книгу. И не проявляло. До дождя.

— Что сказало отражение?

— Не знаю. Футляр закрыт. Но стрелка остаточного голоса движется.

Сана сняла со стены непрозрачный щиток.

— Его надо вынести из общей комнаты. Если внутри появилась новая связь, кокон потянет её на себя.

— Вынести может только курьер с допуском, — сказал Эрен.

Все посмотрели на Риму.

Та покачала головой.

— Меня Иара сняла с ночной смены до проверки ключей. Формально станция сейчас под центральным управлением.

— Значит, вызвать районного курьера, — сказала Лея.

— Вызвала. Он не выйдет в стекольный дождь без закрытого маршрута. А маршрут оформляет архив.

Получался знакомый круг: чтобы защитить отправление от архивного механизма, требовалось разрешение архива.

Лея раскрыла журнал описи. Пятое несвязанное отправление принадлежало Орне Тир, умершей шесть лет назад. Получателем значился её брат Мев Тир. Он умер на год раньше неё. В карточке было отмечено: отправительница уведомлена, футляр оставлен на закрытое уничтожение. Срок хранения давно истёк, однако уничтожение переносили четыре раза — всякий раз из-за отсутствия семейного представителя.

— Семейный представитель не нужен, — сказала Лея.

— Теперь нужен, — ответила Рима. — Два года назад архив изменил толкование. Если получатель умер, семья может назначить нового.

— После того как отправитель узнал об отказе?

— Именно это я спрашивала. Ответили: смерть получателя не является отказом.

Сана тихо выругалась.

Лея провела пальцем по дате последнего переноса. Кто-то сохранял футляр, не имея на то воли ни отправительницы, ни получателя. До сих пор книга не могла использовать незавершённость: Орна знала, что доставка невозможна. Но архив держал отправление так, словно решение всё ещё ожидалось.

— Куда его можно доставить законно? — спросил Эрен.

— Никуда. Только на уничтожение.

— Значит, это не доставка.

— Для службы — нет. Для футляра любой путь заканчивается вручением, возвратом или уничтожением. Пока он лежит без исхода, маршрут продолжается.

Рима достала из кармана медную пластину. На ней был процарапан номер отправления и старый знак печи на Западной дамбе.

— Я выписала закрытый маршрут до отстранения. Без имени курьера. Думала, утром районный поставит жетон.

Лея не прикоснулась к пластине.

— Если я возьму её, это будет нарушение.

— Да.

— Если не возьму, архив откроет комнату и перенесёт футляр вместе с остальными.

— Да.

Сана положила щиток на стол.

— Не превращайте срочность в согласие, — сказала она. — Даже когда вам нравится цель.

Лея посмотрела на Риму.

— Ты просишь меня провести маршрут?

— Нет. Я сообщаю, что составила его и что сама идти не могу. Решение твоё.

Это было важно. Но недостаточно.

— Печь примет футляр без жетона?

— Если есть воля отправителя на уничтожение.

— В карточке её нет.

— Есть уведомление, что она не назначила другого получателя.

— Это не одно и то же.

Эрен развернул свою опись.

— У Орны была книга?

— Среди двадцати семи связанных её нет, — ответила Лея.

— Я спрашиваю не о проявленной. В старом каталоге книги создавались и для взрослых, если решение касалось хранителей. Фамилия Тир мне знакома.

— Откуда?

Он не стал тянуться к листам.

— Наставница архива, которая приказала спрятать твою книгу, — Орна Тир.

Дождь ударил в ставни с такой силой, будто кто-то высыпал на улицу ящик бусин.

Лея перечитала карточку. Орна знала о невозможности вручения. Орна работала в архиве. Орна записала последнее отражение спустя год после смерти брата и назвала его получателем.

— Это может быть ловушка, — сказала Рима.

— Или способ оставить отправление без живого получателя, но внутри системы, — ответил Эрен.

— Ты знал о футляре? — спросила Лея.

— Нет.

— Когда в последний раз видел Орну?

— Одиннадцать лет назад. До её смерти оставалось пять лет. Она уже не была моей наставницей.

— Почему фамилия не показалась тебе знакомой ночью?

— Я смотрел номера, а не карточки. Сейчас Рима произнесла имя.

Лея отметила это на чистом листе: «Эрен узнал фамилию после произнесения. До вскрытия сведений не сообщал». Рядом оставила место для времени и подписи.

— Мы не несём футляр к печи, — решила она. — Сначала отделяем его от кокона и доставляем туда, где маршрут нельзя завершить без установленной воли. В старом северном депо есть глухая камера для отправок с утраченным исходом.

— Её закрыли, — сказала Рима.

— Закрыли службу. Камера осталась. Стены там из чёрного сланца.

— Через весь город под стекольным дождём.

— Поэтому архив не успеет прислать перехват раньше нас.

Сана протянула щиток.

— А книга?

— Если она проявится, не читаем.

— Стекольный дождь читает отражённое вслух, — напомнил Эрен.

— Тогда закроем всё, что может отразить.

Сана упаковала три лицевых щитка: для Леи, Римы и Эрена. Лея подняла брови.

— Он не идёт.

— Я знаю дорогу через подвалы каталога, — сказал Эрен. — Там короче.

— И там твой ключ превращает тебя в единственного проводника.

— Тогда пойдём поверху. Я останусь свидетелем, которого можно заменить.

Рима взглянула на улицу.

— Нужны двое для изъятия из отказной комнаты. На станции есть старшина, но он не покинет пост.

Лея взяла два щитка, третий оставила на столе.

— Сана будет вторым свидетелем.

— Я нужна кокону, — сказала та. — Если архив его тронет, никто другой не увидит, какой шов распустился первым.

Эрен не двинулся.

— Я могу идти последним, не касаться футляра и не выбирать путь. Записывайте каждый мой шаг.

Отказаться только потому, что помощь предложил он, значило бы подчинить маршрут их прошлому не меньше, чем безусловно согласиться. Лея добавила к протоколу условия: Эрен не открывает двери ключом, не читает проявившийся текст, не меняет путь, не остаётся с футляром один. Он прочёл и подписал.

До станции они добрались под парусиной. Стекланные капли трещали над головами, ска-
тывались к краям и разбивались у ног. Лея видела в каждом осколке кусочек лица — глаз,
линию рта, седую прядь, — но не могла понять, своё ли. Она считала повороты и вслух назы-
вала улицы. Без жетона привычный маршрут ощущался не дорогой, а воспоминанием о дороге.

У отказной комнаты спорили уже пятеро. Иара стояла перед новой деревянной личиной
замка. Увидев Лею, она не удивилась.

— Вы не имеете права находиться в служебной части станции.

— Я пришла как составитель возражения и свидетель угрозы сохранности.

— Ваша подпись принята. Уйдите.

Из-за двери донёлся тонкий звон. Не голос — будто ногтем провели по краю бокала.
Стрелка остаточного голоса на внешней панели дёрнулась к красной черте.

Сана показала акт упаковки.

— Если давление достигнет красной черты, я обязана разделить предметы независимо
от владельца помещения.

Иара посмотрела на прибор.

— Разделяйте. Футляр останется под охраной архива.

— В общей отражающей комнате? — спросила Лея.

— Его перенесут в центральное хранилище.

— Где находится книга Орны Тир?

Имя подействовало. Иара едва заметно повернула голову к архивариусу справа.

— Сведения закрыты.

— Значит, книга существует.

— Я этого не говорила.

— Вы не спросили, кто такая Орна.

Иара сняла золотую застёжку с воротника. Под ней оказался маленький чёрный ключ.

— Открывайте, мастер Мирт.

Сана пропустила её к замку, но удержала за запястье.

— Моим инструментом. Ваш ключ останется снаружи.

Они вошли вшестером. Медный кокон стоял в центре комнаты. Один из пяти несвязан-
ных футляров дрожал на полке. По его матовой крышке двигалась тёмная строка, хотя отра-
жать её было некому.

Лея надела лицевой щиток. Мир сузился до пола перед ногами и рук Саны.

— Я снимаю пятый футляр, — объявила Сана. — Свидетели?

— Вижу, — сказала Рима.

— Вижу, — сказал Эрен.

Сана подняла футляр щипцами и положила в непрозрачную сумку. В ту же секунду кокон
прогнулся внутрь. По меди проступили двадцать семь прямоугольников, а между ними — два-
дцать восьмой, прежде невидимый.

Иара шагнула ближе.

— Закрыть комнату. Все предметы переходят под аварийное управление архива.

— Угроза устранена разделением, — ответила Сана. — Основания для аварийного изъ-
ятия нет.

Из сумки раздался женский голос:

— Если он не прочёл, отнесите туда, где дождь закончит за него.

Лея замерла. Голос был спокойным, старым и совершенно не похожим на просьбу о
памяти.

Эрен сказал:

— Это Орна.

— Не открывать, — приказала Лея.

Но стекольный дождь уже нашёл щель. Прозрачная капля упала с плаща архивариуса на металлическую застёжку сумки. В ней отразилась тёмная строка с крышки. Капля звякнула и произнесла первое слово.

Никто не повторил его. Никто, кроме дождя.

Вся вода на окнах станции ответила сразу. Сотни маленьких голосов подхватили строку на незнакомом наречии каталога. Лея закрыла уши, но звук шёл через пол, зубы и косточки пальцев, которыми она держала маршрутную пластину.

Перед глазами возник мост через Белую протоку.

Лея знала этот день. Ей было двадцать пять. Она стояла с дорожной сумкой и билетом в Южный город. Сана ждала на другом берегу, потому что они решили уехать вместе. Потом Лея порвала билет и осталась, а Сана — это она помнила отчётливо — никогда не собиралась уезжать.

Теперь в воспоминании Сана махала ей из отходящего вагона.

Неисполненный выбор Орны вошёл не как приказ. Он пришёл готовым прошлым: Орна решила когда-то позволить Эрену прочесть книгу, но в последний миг отнесла её обратно. Лея ощутила тяжесть тома в чужих руках, увидела дождь над тем же мостом и молодого Эрена, который ждал на другом берегу. Орна повернула прочь.

Этот выбор требовал места.

И место освободилось.

Лея больше не помнила, почему порвала свой билет двенадцать лет назад.

Она знала, что осталась. Помнила клочки бумаги в воде, холодные перила, первую смену на станции на следующий день. Но самого решения не было — ни страха, ни причины, ни внутреннего слова, после которого рука потянулась к билету. Будто решение принял человек, ушедший из её тела до утра.

— Лея! — крикнула Сана.

Она стояла совсем близко, прижимая к застёжке матовую прокладку. Голоса дождя стихли.

— Назови последнее собственное решение.

Лея посмотрела на маршрутную пластину.

— Взять футляр в северное депо.

— Почему?

— Чтобы отделить его от кокона и не дать архиву завершить чужой маршрут.

— Что было до этого?

— Возражение. Я решила написать его.

— А мост?

Лея молчала.

Сана побледнела.

— Ты помнишь мост?

— Помню всё, кроме того, почему осталась.

Иара протянула руку к сумке.

— Воздействие подтверждено. Передайте предмет.

Лея отступила.

— Подтверждено воздействие вашей комнаты и книги Орны. Не ваше право забрать футляр.

— Вы только что утратили часть биографии.

— Поэтому теперь есть свидетельство цены. Запишите: чужой неисполненный выбор вытеснил мой собственный, уже совершённый. Не желание. Не воспоминание вообще. Именно основание выбора.

Рима писала, опираясь журналом о стену.

— Время?

Районный старшина назвал.

— Свидетели?

Все ответили по очереди. Иара последней.

— Я свидетельствую признаки воздействия, — сказала она. — Не вашу тракторку.

— Этого достаточно.

Лея застегнула сумку вторым чехлом. Ей хотелось спросить Сану, что случилось на мосту. Желание было почти физическим. Но если подруга сейчас расскажет, её версия займёт пустое место и станет единственной. Они уже договорились не быть друг другу запасной памятью.

— Не объясняй мне, почему я осталась, — сказала Лея.

У Саны дрогнули губы.

— Не буду.

— Запиши только, что ты знаешь свою версию и не сообщила её по моей просьбе.

— Запишу.

Эрен стоял у двери, не поднимая щитка.

— Орна хотела, чтобы я прочёл что-то под дождём, — сказал он. — Возможно, эту книгу.

— Это её выбор, не твоя обязанность, — ответила Лея. — И не основание читать сейчас.

— Я понимаю.

В его голосе не было облегчения. Это тоже было правильно.

Иара приказала архивариусам не выпускать сумку. Районный старшина потребовал письменное основание задержания. Пока они спорили о формулировках, Рима открыла боковую служебную дверь обычным станционным ключом. Лея пошла первой. Эрен — последним, как обещал. Никто не воспользовался чёрным ключом.

Стекольный дождь превратил улицы в множество хрупких зеркал. Они двигались под плотной парусиной, не сворачивая в подвалы. У каждого перекрёстка Лея называла направление, Рима сверяла его с пластиной, Эрен записывал. Дважды Лее казалось, что северное депо находится восточнее. Оба раза она останавливала группу и проверяла карту, не доверяя ощущению.

На мосту через Белую протоку пришлось идти медленно. Под ногами хрустели прозрачные скорлупки. Лея увидела в реке тот другой мост — с разорванным билетом, Саной на дальнем берегу и пустым местом внутри собственного прошлого.

Она не стала заполнять его догадкой.

— Остановка, — сказала Лея.

Рима подняла парусину ниже.

— Воздействие?

— Нет. Фиксация. Я выбираю продолжить маршрут, хотя не помню основания старого решения, связанного с этим местом.

— Зачем фиксировать?

— Чтобы сегодняшнее решение не выдали за продолжение навязанного.

Эрен записал её слова и передал лист Рима. Лея подписала последней.

Северное депо встретило их заколоченными воротами. В боковой стене сохранилась курьерская щель, достаточно широкая для футляра, но не для руки. Лея проверила печать камеры: старый знак утраченного исхода, без принадлежности центральному архиву.

— Камера не завершит маршрут, — сказала она. — Только остановит до установления воли Орны.

— Кто получит доступ? — спросила Рима.

— Трое раздельно: районная станция, мастерская Саны и представитель получателей отказной комнаты. Не архив и не Эрен.

— Почему не ты?

Лея коснулась пустого места на пальто.

— Потому что у меня нет допуска. И потому что я подверглась воздействию этого футляра.

Она вложила сумку в щель. Механизм принял её неохотно, с длинным скрежетом. На пластине погас знак печи и проявился незавершённый круг: маршрут приостановлен без вручения.

Никакого голоса не последовало.

Они простояли под навесом ещё минуту, слушая, как дождь разбивается о чёрный сланец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.